

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)**

Н.Л. ТУРОВ

**ФЕНОМЕН СЕПАРАТИЗМА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Аналитический обзор

**МОСКВА
2021**

ББК 66.3; 66.4; 66.6
Т 86

Серия
«Глобальные проблемы современности»

Отдел глобальных проблем

Отв. редактор – *Н.Ю. Латина*
Издание печатается по решению Ученого совета

Туров Н.Л.

Т 86 Феномен сепаратизма в современном мире : аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Отд. глоб. проблем. – Москва, 2021. – 62 с. – (Сер.: «Глобальные проблемы современности»).

ISBN 978-5-248-01005-9

В послевоенный период в мире ежегодно появляются в среднем два новых государства, исследователи насчитывают несколько сотен действующих сепаратистских конфликтов разной степени накала. Сепаратизм превратился в глобальное явление. Рост числа движений, добивающихся разной степени автономии, усилил внимание научного сообщества к феномену сепаратизма. Не случайно некоторые исследователи окрестили XXI столетие «веком сепаратизма». В первой части аналитического обзора рассматриваются мотивации сепаратистских движений; реакции центральных правительств и международного сообщества на сепаратизм; освещаются проблемы становления и развития (этно) региональных партий и де-факто государств. Во второй части выявлены особенности современных сепаратистских движений в разных регионах мира.

In the post-war period, an average of two new states appear in the world every year. Researchers count several hundred active separatist conflicts of varying intensity. Separatism has become a global phenomenon. The growth in the number of movements seeking varying degrees of autonomy has attracted more attention of the scientific community to the phenomenon of separatism. It is no coincidence that some researchers have dubbed the 21st century the «age of separatism». The first part of the analytical review examines the motivations of separatist movements and the response of central governments and the international community to separatism, as well as highlights the formation and development of regional parties and de facto states. The second part reveals the features of modern separatist movements in different regions of the world.

ББК 66.3; 66.4; 66.6

ISBN 978-5-248-01005-9

© ФГБУН Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Почему регионы отделяются: типы и мотивация сепаратистских движений	7
Как центральное правительство реагирует на сепаратизм?.....	11
Как международное сообщество реагирует на прецеденты сепаратизма?.....	16
Государства де-факто.....	22
Региональные и этнорегиональные партии	27
Сепаратизм в Европе: EXIT-движения, региональные партии и борьба за финансовые ресурсы.....	31
Африка: трайбализм, религиозные распри и борьба за ресурсы.....	39
Ближний Восток и Северная Африка: ирредентные нации, внутриконфессиональный раскол и постколониальная реальность.....	44
Заключение	49
Список литературы	51

Введение

В XXI в., несмотря на интенсивные процессы глобализации и региональной интеграции, в ряде стран мира усиливается стремление к самоопределению компактно проживающих этнических меньшинств и приобретают все больший размах сепаратистские движения. Проблема дальнейшей политической фрагментации государств становится особо острой из-за сохраняющихся территориальных споров и претензий. В одних случаях у этнического сообщества проявляется недовольство своим статусом в составе государства и возникает требование расширения региональной автономии. В других этническое сообщество начинает борьбу за выход из состава государства. Стремление к независимости в последнее время проявляется в разных частях мира. Растет число де-факто независимых государств вроде Косово и Приднестровья, все чаще проводятся референдумы о независимости регионов (Каталония, Шотландия, Венеция).

Знаковые работы российского исследователя Даниила Коцюбинского «Глобальный сепаратизм – главный сюжет XXI века» [Коцюбинский, 2013] и «Эра сецессии» («Age of secession») профессора Сиракузского университета Райана Гриффитса [Griffiths, 2016] убедительно доказывают, что нынешнее столетие станет «веком сепаратизма». По некоторым оценкам [Bookman, 1993], не более 25 государств, входящих в Организацию Объединенных Наций, могут заявить об отсутствии в них сепаратистских движений. Часть исследований демонстрирует: с 1945 г. в среднем возникало 52 сепаратистских движения в год, а по состоянию на 2011 год насчитывалось около 55 активных движений [Griffiths, 2015, р. 734]. По данным других научных работ [Sambanis, Germann, Schädel, 2017, р. 658], в 1945–2012 гг. в 120 странах были выявлены 464 сепаратистские группировки. Счет же движениям, выступающим за обретения какой-либо степени автономии, и вовсе идет на

тысячи, как на то указывает Энциклопедия сепаратизма К. Рота [Roth, 2015].

В современном мире число государств постоянно меняется. С 1945 г. число государств увеличилось втрое – с 63 до 195¹ (в среднем по 2,13 новых государств в год) [Griffiths, 2014, р. 559, 573], с 1986 г. возникло около 30 новых государств [Смирнягин, 2019, с. 99]. Это произошло в результате распада СССР, Югославии и Чехословакии, объединения Северного и Южного Йемена, ГДР и ФРГ, отделения Эритреи от Эфиопии, Намибии от ЮАР, Восточного Тимора от Индонезии, Южного Судана от Судана. Кроме того, микронезийские микрогосударства вышли из-под опеки США (Федеративные Штаты Микронезии, Маршалловы острова и Палау). Причиной возникновения большинства новых государств выступает прямой (отделение части от общего) или косвенный (распад многосоставных обществ) сепаратизм. За исключением бывшего Советского Союза и некоторых государств Восточной Европы (бывшая Югославия и Чехословакия) открытые сепаратистские движения не привели к политической независимости. Тем не менее ответом на региональные вызовы стало появление новых форм государственного устройства или разделения власти (федерализм, децентрализация и консоционализм).

Чаще всего сепаратизм означает политическую деятельность с целью уменьшить контроль центрального правительства над территорией и передать властные полномочия ее населению. Дефиниция Джона Вуда предполагает, что сепаратизм охватывает «все случаи политического отчуждения, которые характеризуются желанием ослабить контроль со стороны центральной власти в определенной области» [Wood, 1981, р. 110]. Согласно работе профессора университета Южной Каролины Д. Дойла, у каждой стороны, вовлеченной в сепаратистский конфликт, собственное толкование этого термина. Сепаратистские движения используют его для обозначения «мирного и законного выхода» из материнского государства, а само государство – для изображения «предательского восстания, препятствующего сохранению государственного единства» [Doyle, 2010, р. 1]. Некоторые движения колеблются между регионализмом и сепаратизмом в зависимости от осознанных стратегий их лидеров или настроений населения на территории конфликта. Профессор школы социальных наук Маккуори А. Павкович и профессор университета Гонконга Ж.-П. Кабестан утверждают,

¹ Число государств указано в соответствии с работой Р. Гриффитса

что «нет никаких препятствий для перехода движения от сугубо регионалистских политических целей к сепаратистским» и наоборот [Pavković, Cabestan, 2017, p. 2].

Литературу о сепаратизме можно разделить на две категории. В первую входят отдельные «страновые» исследования (о Каталонии, Азаваде и т.п.), во вторую – работы, формулирующие объяснительные модели сепаратизма как феномена. Такие модели либо объясняют причины, по которым возникает сепаратистское движение, либо демонстрируют, почему оно оказалось неуспешным или успешным. Внутри исследований о сепаратизме можно выделить три группы, направленные на изучение: (1) сепаратистских движений; (2) государственной политики; (3) деятельности международных акторов (в этой же логике построен и нынешний обзор). В первом случае исследователи фокусируют внимание на характере сепаратистов, анализируют внутреннюю структуру движения, стратегии и мотивации его участников. Во втором изучается внутренняя политика государства, направленная на разрешение его внутренних противоречий. В третьем случае исследуется степень влияния внешних сил на отдельные сепаратистские конфликты.

В обзоре представлен анализ современных авангардных направлений в исследовании сепаратизма. Принимая во внимание фундаментальную работу отечественного политико-географа Ф.А. Попова «География сецессионизма в современном мире» [Попов, 2012] и недавнюю монографию политолога И.Л. Прохоренко «Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза» [Прохоренко, 2018], мы не предлагаем обзор основных понятий. В нашем исследовании уделяется внимание менее известным направлениям в научной литературе, посвященной сепаратизму. В первой части аналитического обзора рассматриваются мотивации сепаратистских движений (с особым упором на экономику сецессий); реакции центральных правительств на сепаратизм; вопросы международного права; характерные направления исследований региональных партий и де-факто государств. Во второй части представлен обзор литературы по макрорегионам. Мы сознательно отказались от попытки описать все современные сепаратистские течения (их количество непрерывно меняется, а жизненный цикл отдельных – менее года) и делаем акцент на характерных чертах для конкретного макрорегиона.

Почему регионы отделяются: типы и мотивация сепаратистских движений

Сепаратизм становится все более заметным феноменом современного политического ландшафта. В большинстве исследований авторы выделяют три основные причины появления сепаратистских движений в современном мире: а) усиление экономико-географической дифференциации внутри государств и ее связь с (псевдо) этническим разделением; б) исчерпание социализма как идеологии, повлиявшее на возрождение этно-политической идентичности; в) глобализацию политической и экономической деятельности, которая вместо усиления унификации и исчезновения региональных отличий провоцирует появление глокализационного феномена.

Американский исследователь А.А. Гонсалез [Gonzalez, 2020] предполагает, что любая попытка отделения начинается как функция трех явлений на уровне массового сознания: проблем со статусом; предполагаемой жизнеспособности потенциального сепаратистского государства; ожиданий материальных выгод от сепацессии. *Проблемы статуса* возникают в том случае, когда какое-то сообщество людей (обычно территориально сконцентрированное) и его культура (расовая, этническая или религиозная) угнетаются центральной властью. В этой ситуации у граждан государства, представляющих данное сообщество, возникает ощущение, что с ними обращаются как с нижестоящими, что они – «граждане второго сорта». Проблема статуса включает случаи отсутствия самоуправления или его фиктивного характера, когда представительство общества в центральном правительстве ослаблено или когда возникает притеснение на этнокультурной и религиозной почве. *Материальные проблемы* вызваны ожиданием роста благосостояния сепаратистского региона и его жителей при отделении. В этом случае жители региона уверены в том, что продолжение существования в рамках единого государства экономически для них невыгодно. Один из примеров материальных проблем – несправедливое, с точки зрения граждан сепаратистского региона, налогообложение. Обеспокоенность по поводу *жизнеспособности* региона включает сомнения, которые граждане сепаратистского региона испытывают в отношении политической и экономической независимости нового государства. Жизнеспособность зависит от того, сможет ли новое государственное образование выжить без материнского государства. По мнению А.А. Гонсалеза, в случае

превалирования обеспокоенности в массовом сознании материальные и статусные проблемы отодвигаются гражданами сепаратистского региона на второй план. А значит, сторонники независимости будут предъявлять менее экстремистские требования, такие как усиление автономии.

Ф. Рекехо и М. Сандауме из университета Помпеу Фабра в Барселоне [Requejo, Sanjaume, 2015] выделяют идеологические обоснования, объясняющие возникновение сепаратизма: правозащитные теории, которые рассматривают отделение как средство борьбы с конкретными «несправедливостями», и теории приоритетного права, рассматривающие отделение как право, принадлежащее определенным группам. Правозащитная теория сепатации² (Remedial Theories) анализирует конкретные причины, приводящие к сепатации. Прежде всего это несправедливость в отношении локализованной группы населения. Например, дискриминация в налогово-бюджетной политике, несоблюдение центральным правительством договоренностей, лимитирующая образовательная и культурная политика, ограничение деятельности СМИ и т.д. [Requejo, Sanjaume, 2015].

Теории приоритетного права (Primary Right) считают отделение фундаментальным правом граждан. Националистические теории рассматривают нацию как законный политический субъект, наделенный правом отделения. Эти теории часто подвергались критике из-за трудностей с определением, какие именно группы имеют преимущественное право на отделение. Остается неясным и регулирование прав меньшинств с множественной идентичностью [Requejo, Nagel, 2019]. Плебисцитарные теории отдают приоритет демократическим процедурам законного отделения, будь то референдум или вердикт представительных институтов. В такого рода теориях отделение не рассматривается как возможное решение проблемы нарушенных прав или интересов коллектива и не связано с конкретной национальной группой. Это первичное право политического и территориального характера, основанное на индивидуальных предпочтениях членов сообщества. Отделение в данном случае не оказывается на жизнеспособности материнского государства и не порождает конфликт между сторонами. Однако право на отделение, установленное в этих условиях, может привести к бесконечной фрагментации политического пространства [Ibid.].

² Термин «правозащитная сепатация» был введен в научный оборот Л. Бакхайтом [Кудряшова, Мелешкина, 2021].

Экономика сепацсии

Все чаще в научной литературе затрагивается тема «экономики сепацсии». К примеру, [Sambanis, Milanovic, 2011; Deiwiks, Cederman, Gleditsch, 2012 ; An ever wider..., 2014 ; Kyriacou, Noemí, 2015]. Еще в конце 1970-х годов ученые подчеркивали, что сочетание культурного разнообразия и экономического неравенства способствует нарастанию сепацсиионизма или периферийного национализма [Hechter, 1978 ; Gourevitch, 1979]. Чем больше экономическое неравенство между регионами, тем выше риски сепацсизма. Изначально акцент делался на факторе экономической отсталости, однако позже выяснилось, что чрезмерное экономическое развитие также способствует сепацсиионизму [Fitjar, 2010]. Ученые также констатировали: богатые регионы чаще склонны к сепацсизму, чем бедные. Сепацисты в слаборазвитых регионах имеют меньше мобилизационных ресурсов на создание новой независимой политии, чем сепацисты развитых регионов [Beramendi, 2007 ; Esteban, Mayoral, Ray, 2012 ; Семененко, 2018]. Американские ученые Н. Самбанис и Б. Миланович [Sambanis, Milanovic, 2014] предполагают, что чем больше степень расслоения общества, тем выше способность элит использовать классовый раскол в целях получения автономии или отделения. В большинстве случаев доход на душу населения в «выходящем» регионе выше, чем в остальной части страны. Богатейшие регионы субсидируют другие регионы (при наличии института перераспределения в государстве) через систему налоговых отчислений, тем самым систематически «спонсируя» остальную часть страны. Таким образом, у населения регионов – «толстосумов» появляется сильный интерес к отделению. Если более благополучный регион отделился, это отрицательно скажется на остальной части страны. Поскольку средний доход в крупном государстве ниже, чем средний доход в отделившемся богатом регионе, отделение изменяет статус прежних регионов-середняков в материнском государстве: из реципиентов они превращаются в доноров [Vaubel, 2013]. Следует также ожидать нарастания центробежных сил в чрезмерно развитых регионах или странах, переживающих рецессию, либо резкое снижение уровня жизни населения [Medrano, 2019].

Работа С. Лапointa [Lapointe, 2014] показывает обратный эффект: референдум по отделению Квебека в 2004 г. продемонстрировал готовность к отделению региона с низким уровнем доходов. И более богатые, и более бедные регионы могут захотеть от-

делиться по противоположным причинам: большинство населения в более богатом регионе может поддержать сепацсию, чтобы платить меньше налогов, в то время как большинство в более бедном регионе – для введения более высоких налогов и «справедливого» перераспределения ресурсов. Тем не менее в ряде работ высказывается мысль, что влияние внутрирегионального экономического неравенства на сепаратизм сильно преувеличено [West European democracies, 2014]. Неравномерность социально-экономического развития регионов может послужить катализатором сепаратизма, но самостоятельно, без какого-то этнокультурного своеобразия региона, обычно не приводит к отделению.

В научной литературе остается открытым вопрос, почему регион стремится выйти из материнского государства, на рынке которого он преуспел лучше, чем другие. Это может быть связано с нежеланием делиться ресурсами с менее развитыми регионами, но только при условии проведения региональной перераспределительной политики. Профессор политологии университета Калифорнии Петр Гуревич [Gourevitch, 1979] предположил, что сепаратистские тенденции более вероятны, когда локальные элиты неспособны влиять на государственную политику. В иных работах [West European..., 2008] делается акцент на социальных аспектах, которые и формируют экономическое неравенство. В схожей логике рассуждает испанский исследователь Хуан Медрано [Medrano, 2019], считающий, что сепаратизм происходит при совпадении двух условий: появлении возможности вхождения на новый рынок и стремительном росте уровня изоляции региона.

Многих исследователей интересуют экономические последствия сепацсиий. Большинство движений отказываются от фактической сепацсии из-за возможных экономических последствий. Нередко ученые рассматривают экономическую целесообразность сепацсии в контексте размера территории – по мере того, как страны становятся меньше, предоставление общественных благ становится дороже (экономия на масштабе и управлении). Налоговое бремя на душу населения в отделяющемся регионе больше, чем в остальной части страны. Так как нередко отделение проходит болезненно и сопровождается подрывом отношений с материнским государством, то, вероятно, на первых порах новоявленное государство не сможет иметь устойчивые хозяйствственные отношения с привычным партнером. Маленькая страна больше зависит от импорта и не влияет на цены мирового рынка. Более того, стоимость сепацсии увеличивается из-за ввода новой собственной валюты и

внутренних торговых правил. Тем не менее развитие международной торговли, особенно внутри интеграционных объединений, способно компенсировать возможные потери. Соответственно, рыночный потенциал новообразованных стран будет больше, чем их внутренний рынок [The economics of secession, 2018].

Современные сепацессионистские движения ориентируются на недавние прецеденты отделения. Так, по оценке Джо Рейнаертса и Якоба Ваншунбека [Reynaerts, Vanschoonbeek, 2016], новые независимые страны, как правило, демонстрируют более низкие темпы экономического роста, чем другие сопоставимые с ними страны. Некоторые авторы предполагают, что в новых независимых государствах ВВП на душу населения в среднем на 20% ниже, чем до отделения. Таким образом, небольшие территории более экономически уязвимы. Факт, что так много регионов стремятся к независимости – даже когда отделение связано с экономическими издержками, – говорит о серьезных внеэкономических выгодах сепацессии. В такой ситуации культурная неоднородность оказывает большее влияние на умонастроения людей, нежели экономические издержки. Другие исследователи, напротив, приводят в пользу отделения экономические аргументы. Так, Х. Медрано предполагает, что экономическая специализация региона сильно влияет на успешность нового государства. Наибольшие преимущества на глобальном рынке получат регионы, в которых развиты финансовая сфера и индустрия капитальных товаров (инструменты, машины, оборудование) [Medrano, 2019].

Как центральное правительство реагирует на сепаратизм?

Конфликты с сепаратистской подоплекой, согласно исследованию Барбары Вальтер [Walter, 2009], выступают причиной наибольшего числа смертей, связанных с гражданскими конфликтами. Тем не менее государство не всегда реагирует насилием³ на отделение. Иногда используются демократические меры по сохранению мятежных регионов в лоне материнского государства: перенарезается административно-территориальная сетка (Франция), предоставляется максимально широкая автономия (Испания), запрещается или ограничивается деятельность регионалистских пар-

³ Удовлетворение требований сепаратистов государством связано с отсутствием насилия, а неудовлетворение – с насилием.

тий. В отдельных случаях центр не препятствует выходу региона из состава государства.

Чем объясняется различная реакция правительства на требования сепаратистов? Валерий Дзутати [Dzutsati, 2017] выделяет пять основных факторов, в зависимости от которых государства по-разному реагируют на требования сепаратистов. Во-первых, это ценность региона: государства скорее будут сражаться за наиболее ценную территорию (будь то степень развития, наличие ценных ресурсов или культовых объектов) [Rustad, Binningsbø, 2012]. Во-вторых, страх перед эффектом домино, который подразумевает, что государства с несколькими потенциальными сепаратистскими регионами с большей вероятностью будут бороться с первым сепаратистским регионом, чтобы помешать другим последовать его примеру [Griffiths, 2016]. В-третьих, способность правительства мобилизовать своих граждан на националистической основе. Правительство может использовать насилие против сепаратистского движения, если доминирующая этническая группа имеет определяющий контроль над политическими институтами государства [Винце, 1999]. В-четвертых, устремления государствообразующего региона отделиться от остальной части государства. К этим случаям Лустик [Lustick, 2011] относит отделение Малайзии от Сингапура в 1965 г., выход Чешской Республики из Чехословакии и РФ из СССР в 1991 г. В-пятых, влияние политической раздробленности государства на возможность разгорания конфликта [Cunningham, 2014].

Отдельная ветвь исследований сецессии выделяет внешние факторы, влияющие на действия центра. По мнению некоторых ученых [Coggins, 2011], великие державы решают, кто «получит» собственное государство, а кто нет. Другие специалисты [Ker-Lindsay, 2012] утверждают, что международные организации предоставляют государствам возможность тормозить и предотвращать признание их внутренних сепаратистских движений.

В ряде случаев сепаратистские движения направлены не на отделение от государства, а на ликвидацию существующего национального государства. Выделение Падании или Фландрии будет означать распад Италии и Бельгии соответственно. Эти страны не смогут оставаться единым целым, потеряв регионы, играющие ключевую роль не только для экономики, но и для национальной идентичности и исторической общности народа. Это приведет к эффекту диффузии сепаратизма внутри страны. К примеру, отде-

ление Каталонии, Валенсии или Страны Басков спровоцирует на отделение и остальные регионы Испании.

Когда государство сталкивается с внешней угрозой, правительство старается любыми методами (включая насилистенные) сохранить собственную территориальную целостность [Gibler, Miller, 2014]. Причина такого поведения в том, что в сепаратистском регионе иностранное недружественное государство может найти сателлита (особенно, когда мы имеем дело с ирредентизмом). Центральное правительство мобилизует силы для противодействия тенденциям сепаратизма, ущемляя права общества, стремящегося к сепарации. По мнению некоторых исследователей [Young, 2013], правительство такими шагами инициирует насилие и вызывает негативную реакцию среди «исключенного» населения, что приводит к насилиственной мобилизации меньшинств. Стремление к отделению не обязательно служит приоритетным для региона, однако действия государства оказываются дополнительным доводом для сепарации. Исследования колониализма показывают, что колонии начали стремиться к отделению только после того, как их неформальные лидеры осознали, что метрополии не собираются учитывать их интересы [Blanken, 2012 ; Lawrence, 2013].

Потеря одной из своих территорий снижает способность государства мобилизовать ресурсы для борьбы с внешней угрозой. Реакция правительства на сепаратистские требования региона может включать в себя множество шагов, начиная от открытого насилия (массовые убийства) до более «мягких» (контроль доступа к природным ресурсам, преследование, слежка, запреты, аресты и пытки) и даже изощренных форм подавления (создание собственных фракций сепаратистского движения с целью вызвать раскол, предложение улучшенного развития сепаратистских регионов, изменение сетки административно-территориального деления и т.д.). Так называемые «мягкие» формы подавления, как считают специалисты, обходятся дешевле, чем крупномасштабные военные операции [Lyall, 2009].

Некоторые авторы отмечают: центральные правительства реагируют на сепаратистские заявления по-разному, в зависимости от степени важности региона. Понятие ценности региона крайне субъективная категория, она скорее символична, чем материальна [Manekin, Grossman, Mitts, 2018]. Однако исследование П. Кольера и А. Хёффлер [Collier, Hoeffler, 2006] на примере 47 гражданских войн в период 1960–1999 гг. показывает, что вероятность войны значительно выше, если в сепаратистском регионе располагается

важный для государства источник природных ресурсов (к примеру, нефть). Низкий уровень материального неравенства между центром и регионом подразумевает, что центральное правительство с меньшей вероятностью будет отвечать сепаратистам насилием [Cederman, Hug, Schädel, Wucherpfennig, 2015]. Верно и обратное: государство острее реагирует на сепаратистов с возможным применением насилия при сильном экономическом неравенстве. Но чем больше у региона материальных ресурсов, тем успешнее он может сопротивляться государству, и тем тяжелее государству его контролировать. В литературе [Wright, Diehl, 2014] существует мнение, что демократии более склонны ценить нематериальные свойства спорной территории, в то время как автократии – материальные.

Николас Самбанис и Бранко Миланович [Sambanis, Milanovic, 2014, р. 1841] выявили, что из современного 221 региона с определенной степенью автономии 46 испытывали притеснение со стороны центрального правительства. Наибольшему риску притеснений подвержены территориально локализованные этнокультурные меньшинства – часть исследований [Wimmer, Cederman, Min, 2009, р. 327] показывает: подавляющее большинство (57 из 60) сепаратистских конфликтов носили этнокультурный / псевдоэтнический характер. Авторы предполагают, что сепаратистские конфликты с большей вероятностью возникнут там, где этнические группы не участвуют в процессе принятия политических решений и живут в крупных и крупнейших странах с высоким уровнем этноразнообразия. Тем не менее конструирование федеративного устройства по этническому признаку несет риски дезинтеграции и распада государства. Этот тезис нашел подтверждение в работе Т. Кристина и С. Хага [Christin, Hug, 2012], которые доказали, что большая доля субнациональных единиц с преобладанием этнических меньшинств значительно увеличивает вероятность гражданской войны в федеративных государствах.

Насилие способствует развитию процесса этнизации общества. Большинство исследователей (к примеру, классические работы Б. Андерсена и Э. Геллнера) фиксируют рост национального самосознания среди жителей регионов / сообществ, стремящихся к отделению. Причинами конфликтов, связанных с сепаратизмом, также называются жалобы «исключенных» меньшинств [Cederman, Weidmann, Gleditsch, 2011; Cunningham, 2014] и групповые интересы [Collier, Hoeffer, Rohner, 2009]. Если основная причина отделения была связана с этнокультурными факторами (псевдоэтни-

ческими в терминологии Ф.А. Попова [Попов, 2012]), то отделение, скорее всего, приведет к появлению культурно гомогенного государства. У более однородного населения узы солидарности сильнее, люди имеют более близкие социокультурные ориентиры. Существуют даже исследования [Vaubel, 2013], которые демонстрируют, что этнокультурная гомогенность положительно влияет на экономическую состоятельность сообщества. Исследования федерализма показали, что межрегиональное экономическое неравенство в отсутствие эффективной перераспределительной политики увеличивает вероятность этнического восстания [Bakke, Wibbels, 2006].

Другое заметное направление исследований подчеркивает опасения государства перед «эффектом домино» (иные специалисты упоминают «эффект лесного пожара», «диффузия сепаратизма» и т.п.). Государство отвечает насилием на первую попытку отделения, чтобы воспрепятствовать дальнейшим попыткам других потенциальных сепатистов и завоевать репутацию сильного государства. Если внутри государства есть угроза множества потенциальных сепатистов, оно будет открыто противостоять первым. Но если у него есть только один сепаратистский регион, оно с большей вероятностью мирно отреагирует на сепаратистские требования. Отдельные исследования [Forsberg, 2013] демонстрируют обратное – заявления «сепатистов-первенцев» не приводят к «параду суверенитетов». На основе количественных данных Эрика Форсберга продемонстрировала, что первые попытки отделения после Второй мировой войны и особенно в период с 1989 по 2004 гг. не спровоцировали «эффект домино».

Другая версия [Griffiths, 2016] теории «эффекта домино» предполагает, что правительство может быть готово удовлетворить требования сепаратистов, если этот регион имеет опыт протогосударства (который не имеют другие регионы в стране). Ряд исследователей [Carter, Goemans, 2011] приводят схожие аргументы в пользу «красконсервации» старых административных границ. Решение Кремля разрешить отделение союзных республик (субнациональных единиц) и предотвратить отделение более дробных единиц (областей и республик в составе РФ) административно-территориального деления [Griffiths, 2016] согласуется с этой версией теории «эффекта домино».

Ряд ученых подчеркивают, что фрагментированное государство с большей вероятностью будет препятствовать выходу одного из регионов [Cunningham, 2014]. Сильно фрагментированные го-

сударства имеют значительное количество сторон, пользующихся правом вето. Такие игроки будут блокировать уступки сепаратистским регионам и поддерживать предотвращение отделения с помощью военной силы, что также способствует неудачным переговорам. Менее фрагментированные государства не имеют этого институционального рычага и более склонны приспосабливаться к политическим изменениям [Thyne, 2012].

В научном сообществе развернулась дискуссия вокруг проблемы: способствует или препятствует децентрализация сепаратизму? Объем эмпирической литературы по децентрализации и конфликтам особенно увеличился в 1990-х годах. Норман Орнштейн и Кимберли Курсен [Ornstein, Coursen, 1992] отстаивают точку зрения, что децентрализация оказывает положительное влияние на сепаратистские движения, так как способствует реализации их целей: предоставляя политическую автономию и контроль над культурными и социальными ресурсами. Децентрализация рассматривается как институциональное решение для сдерживания сепаратистских устремлений путем улучшения положения потенциально готовых к отделению регионов. Более поздние работы лишь углубили этот тезис. В ряде исследований [Territorial autonomy..., 2015; Tranchant, 2016] демонстрируется, что децентрализация сокращает риски гражданских войн. Но есть и противоположная позиция, согласно которой децентрализация усиливает сепаратистские устремления: [Kymlicka, 2005]. Ее приверженцы подчеркивают, что в многоэтнических обществах децентрализация лишь замораживает конфликт и способствует укреплению этнической идентичности. Более того, децентрализация предоставляет новые институциональные и экономические ресурсы сепаратистским движениям. Существует и компромиссная позиция [Cerniglia, Longaretti, Zanardi, 2021]. Ее сторонники считают, что только децентрализация на основе двухсторонних переговоров способна удержать регион в альянсе. В то время как наделение всех регионов одинаковыми фискальными полномочиями не дает такого эффекта.

Как международное сообщество реагирует на прецеденты сепаратизма?

Процессуально существуют три способа отделения: вооруженный конфликт (прецедент Хорватии), одностороннее отделение (прецедент Косово) и соглашение с центральным государств-

вом (прецедент Черногории). Общее для этих случаев – импульс отделения исходит от одной из сторон – сепаратистского региона. В свою очередь, единодушное желание отделения, представляющее все население и территорию государства-сепаратиста, провоцирует раскол. Независимость, полученная в результате одностороннего провозглашения, имеет очень мало шансов на успех. Кроме того, одностороннее отделение территории не делает ее мгновенно независимой без переговоров с центральным государством. Это означает, что для разделения государства требуется наличие двух действующих субъектов [The economics of secession, 2018]. С практической точки зрения отделение части государства может быть узаконено только путем референдума. Таким образом, конституции государств-членов должны предусматривать процедуры, предусматривающие проведение референдумов. В идеале референдумов должно быть два. На первом людей должны спросить, следует ли отделять их избирательный округ. На втором, когда станет известно, какие округа выйдут, – следует ли их округу отделиться вместе с другими округами, в которых большинство желает отделиться. Эта двухэтапная процедура имеет два преимущества. Во-первых, в финальном голосовании каждый гражданин будет знать, как будет выглядеть отделяющийся регион. Во-вторых, двойной референдум обеспечит стабильность и обоснованность предпочтения отделения [Vaubel, 2013].

В международном праве не так много прецедентов конституционного обоснования сепатации. Подобное право, к примеру, содержат конституции Эфиопии и Сент-Китс и Невиса. Конституция этнофедерации Эфиопии содержит положение о беспрепятственной возможности наций покинуть федерацию: «Каждая нация, национальность и народ в Эфиопии имеют право на самоопределение, включая право на отделение». Стоит отметить, что сепатация Эритрея произошла еще до принятия подобного положения. Конституция карибской федерации допускает отделение острова Невис посредством референдума, который должен получить поддержку большинства в две трети голосов. На острове Невис в 1998 г. был проведен референдум по вопросу отделения, однако идея независимости не была поддержанна необходимым числом голосов [Requejo, Nagel, 2019].

В большинстве европейских государств тема отделения затрагивается в программах политических партий, но конституции обычно не содержат пункт о возможности реального отделения [Sorens, 2012; Reiniainen, 2019]. Например, Конституционный суд

Германия постановил в 2016 г., что референдум о независимости Баварии не может быть проведен согласно Конституции Федеративной Республики Германии [Bremberg, 2020]. В целом ряде стран посягательство на территориальную целостность государства законодательно оценивается как действие, приравненное к факту государственной измены (Австрия, ФРГ) или иному преступлению против государства (Испания, Литва, Польша, Франция, Эстония). Законодательство некоторых стран предусматривает уголовную ответственность за создание и функционирование сепаратистских движений. В ряде конституций посягательство на территориальную целостность – уголовно наказуемо (Италия, Нидерланды, Норвегия, Сан-Марино, Швейцария). Такие преступления относят к особо тяжким преступлениям, за которые грозит тюремное заключение сроком от 5 до 30 лет, в некоторых же случаях (например, в Нидерландах) предусмотрено пожизненное лишение свободы [Манойло, 2015].

Современное международное право позволяет разного рода движениям выражать и отстаивать свое право на самоопределение, однако при этом отсутствуют нормативно-правовые документы, которые бы формально описывали процедуру, критерии и условия определения. Отсутствие четких механизмов международно-правового регулирования приводит к конфликту права наций на самоопределение и принципа нерушимости государственных границ, что служит причиной многих современных территориальных споров. В такой ситуации каждый подобный инцидент становится уникальным, правомерность которого определяет мировое сообщество. Но если некоторые ситуации решаются посредством пленумов и референдумов, то большинство конфликтов приводят к насилию. Наличие стандартов международного права в области разрешения конфликтов, связанных с самоопределением, позволило бы избежать передела границ [Катина, Туров, 2017].

Несмотря на то что право народов на самоопределение получило международно-правовое закрепление в XX в., близкие по значению концепции провозглашались задолго до установления Ялтинско-Потсдамского порядка. В 1776 г. в рамках Второго континентального конгресса тринадцати североамериканских колоний Великобритании была подписана Декларация независимости США, определившая в качестве «очевидных истин» равенство людей и неотъемлемость их права на жизнь, свободу и счастье, а также утвердившая, что если правительство препятствует реализации этих прав, то народ «имеет право изменить или уничтожить» пра-

вительство и учредить новое «на таких основаниях и началах, организуя его власть в таких формах, которые лучше всего должны обеспечить его безопасность и счастье» [Тексты важнейших..., 1905]. Статья 3 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. провозгласила: «Начало всякого суверенитета заключается, по существу, в народе. Никакое лицо, ни совокупность лиц не может осуществлять власти, которая бы не проистекала, положительным образом, от народа» [Тексты важнейших..., 1905]. Однако в XVIII в. подобные принципы не получили широкой поддержки вне указанных стран, встречая скорее противодействие со стороны колониальных империй и абсолютистских режимов. В 1815 г. Россия, Австрия и Пруссия заключили Священный союз, позднее включивший и другие государства. В подписанным Акте в качестве приоритетного был установлен принцип легитимизма – историческое право законных династий на решение основных принципов государственного устройства [Там же].

В первой половине XX в. значительное влияние на укрепление позиций данной концепции на мировой арене оказали революционные события 1917 г. в России. Принятая Советом народных комиссаров РСФСР Декларация прав народов России⁴ провозгласила одним из принципов право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, в результате чего на пространстве бывшей империи начали появляться независимые государства. Позднее данный принцип был оформлен в мирных договорах Советской России с Прибалтийскими государствами и странами Востока [Международное публичное..., 2005]. Так, например, статья 2 Рижского договора 1920 г. имеет ссылку к Декларации прав народов 1917 г.⁵, а статья 14 Московского договора между Россией и Турцией 1921 г. гласила, что стороны признают за народами права на свободу и независимость, а также их право на избрание формы правления «согласно их желаниям».

Кроме того, в межвоенный период было проведено несколько референдумов. В частности, в 1935 г. народ Саара высказался за

⁴ Декларация прав народов России 2(15) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти / ред. ком. : Г.Д. Обичкин и др. – Москва : Государственное изд-во политической литературы, 1957/ – Т. 1. – С. 39–40.

⁵ Рижский мирный договор 1920 г. // Дипломатический словарь / гл. ред. : А.Я. Вышинский, С.А. Лозовский. – Москва : Государственное изд-во политической литературы, 1948. – 856 с.

возвращение «домой в Рейх», в результате чего область перешла под суверенитет национал-социалистической Германии. Однако большинство территориальных вопросов того времени были решены в пользу победителей Первой мировой войны, не учитывая волеизъявление населения. Так значительная часть германской территории перешла к Чехословакии и Польше. Это вызвало широкую поддержку концепции «разъединенного немецкого народа», которая стала одним из триггеров германского нацизма и Второй мировой войны [Старовойтова, 1999].

В целом, в рамках формирования межвоенного мироустройства принцип права народов на самоопределение не стал универсальным. Лига Наций не включила в свой Статут принципы и нормы, закреплявшие данное право, наоборот, создав дискриминирующий институт «опеки» – мандатную систему, провозглашившую ряд народов «не способными самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира»⁶. Однако Версальско-Вашингтонский порядок оказался недолговечным, втянув страны и народы в очередную мировую войну, завершившуюся созданием нового миропорядка.

Одним из первых шагов к всеобщему признанию принципа самоопределения народов стала Атлантическая хартия 1941 г., подписавшие которой отказались от территориальных приобретений, а также согласились с тем, что территориальные изменения в мире должны осуществляться «в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов»⁷. Следующим шагом стала ялтинская Декларация об освобожденной Европе 1945 г., снова подтвердившая «право народов свободно устанавливать по их собственному усмотрению общественный строй и форму правления в своих странах». Важнейшей вехой в закреплении данного принципа в международном праве стало включение его в статью 1 Устава ООН⁸ в качестве основы развития дружественных отношений между нациями. В 1952 г. Генеральная Ассамблея ООН

⁶Версальский мирный договор / полный перевод с франц. под ред. Ю. Ключникова и А. Сабанина. – Москва : Издание Литиздата НКИД, 1925. – 236 с.

⁷Атлантическая хартия 1941 г. // Хрестоматия по новейшей истории / отв. ред. : А. Гофман. – Москва : Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – Т. 2. – С. 66–67.

⁸Устав ООН (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Москва : Гос. изд-во политической литературы, 1956. – С. 14–47.

приняла резолюцию 637 (VII) «Право народов и наций на самоопределение», в которой призвала членов Организации уважать и поддерживать это право в соответствии с Уставом. Впоследствии данное право было зафиксировано в качестве основополагающего в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г., а также закреплено в статье 1 Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Декларации о принципах международного права 1970 г. и в ряде других документов.

Несмотря на то что сегодня право народов на самоопределение – один из важнейших принципов международного права, существуют серьезные проблемы с его имплементацией. В первую очередь это касается правосубъектности акторов в отношении данного права. Идеологи концепции рассматривали «народы и нации» в качестве субъектов права на самоопределение, но они не предложили однозначных определений данных терминов. Трудности в этой связи возникли еще при работе над Уставом ООН, в рамках которой были выявлены значительные противоречия в определении понятий «народ», «национация» и «государство». Право на самоопределение в Уставе стало соотноситься лишь с категорией «народы», а понятие «несамоопределеные народы» стало приравниваться к понятию «колонии» [Старовойтова, 1999]. В статье 1 Международного пакта о гражданских и политических правах подтверждается, что «все народы имеют право на самоопределение», но не определяется, что составляет народ, и имеет ли право народ «свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое и культурное развитие». Таким образом в практике ООН принцип самоопределения в большей степени понимался как право на независимость колониальных народов от метрополий, а также народов, находившихся под иностранной оккупацией или гнетом расистских режимов [Лукашук, 2005].

Существует и другая проблема, оказывающая существенное влияние на реализацию самоопределения народов. Некоторые исследователи [Koskenniemi, 2009] считают, что принцип самоопределения народов вступает в опасное противоречие с принципом территориальной целостности государств, вызывая конфликты и способствуя применению «двойных стандартов», и используется в зависимости от политической конъюнктуры. Так, Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам

содержит пункт о праве на самоопределение, но также подчеркивается, что «любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности страны, несовместима с целями и принципами Устава ООН» [цит. по: Schomerus, Englebert, de Vries, 2019, р. 5].

В настоящее время многими учеными осуществление народами права на самоопределение не обязательно рассматривается как угроза территориальному единству государства. Исследователи сформулировали три условия, при которых территориальная целостность государства не будет нарушаться:

- 1) государство должно «соблюдать в своих действиях принцип равноправия и самоопределения»;
- 2) государство должно «вследствие этого иметь правительства, представляющие весь народ... проживающий на данной территории»;
- 3) в политике государства не должно проявляться какой-либо дискриминации.

Стоит отметить, что сегодня самоопределение не сводится исключительно к сепарации – возможности отделения и создания независимого государства. В 2011 г. ПАСЕ была принята резолюция № 1832, которая гласила, что право этнических меньшинств на самоопределение не ведет автоматически к отделению. Кроме того, сами правительства на законодательном уровне предлагают различные возможности для защиты прав этнических групп. Некоторые из них следуют политике мультикультурализма (Австралия, Канада, Великобритания), другие же формируют особые административные формы – автономии, субъекты федерации и т.п. [Винокуров, 2007].

Государства де-факто

Значительный пласт современных работ о сепаратизме составляют исследования де-факто государств. В политических исследованиях присутствует обширная номенклатура терминов, характеризующих территории, выводимые локальными силами из-под фактической юрисдикции государства. Наибольшее распространение получили термины «сепаратистское государство» («separatist states») [Lynch, 2004], «непризнанное государство» («unrecognized states») [Casperson, 2012 ; Markedonov, 2012], «де-факто государство» («de-facto states») [Pegg, 1998 ; Dembinska, Campana,

2017 ; Dynamics of state-building..., 2018], «хищническое государство» («insurgent states») [McColl, 1969], «квазигосударство» («quasi-states») [Kolstø, 2006 ; Jackson, 2007], «псевдогосударство» («pseudo-states») [Kolossov, O'Loughlin, 1999], «неуправляемая территория» («ungoverned area») [Ungoverned territories..., 2007] и «серая зона» («gray area») [Manwaring, 2019]. Термины можно расположить в иерархическом порядке по степени похожести на признанное государство. Следуя иерархии В.А. Колосова и А.Б. Себенцова [Себенцов, Колосов, 2012], наивысшим уровнем жизнеспособности обладают псевдогосударственные образования. Под псевдогосударством понимаются политические образования, перенимающие некоторые функции суверенных государств, но не обладающие международной правосубъектностью [Kolossov, O'Loughlin, 1999; Jackson, 2007 ; Заяц, 2020]. Наиболее развитую форму псевдогосударства, образованного в ходе деятельности, направленной на юридическое отделение, и обладающего всеми основными признаками суверенного государства, кроме международного признания, большинство ученых называет государством де-факто [Попов, 2015].

Число политий, фактически контролирующих территорию и обладающих многими признаками самостоятельного государства, но не признанных значительным большинством стран мира, ныне доходит до полутора десятков. Их число сильно варьируется у разных исследователей. Д. Заяц [Заяц, 2020, с. 56] полагает, что в современном мире 13 таких политий, А. Флорея [Florea, 2014, р. 792] – 18, Н. Касперсен и Г. Стенсфилд [Caspersen, Stansfield, 2014, р. 4] – 21. Расхождения в их численности связаны с позициями конкретных стран в отношении признания права быть самостоятельными субъектами международного права для территорий с ограниченной правосубъектностью. В группу классических де-факто государств большинство исследователей [Pegg, 1998 ; Florea, 2014 ; Попов, 2015 ; Dembinska, Campana, 2017 и др.] включают Республику Косово, Республику Абхазия, Республику Южная Осетия, Приднестровскую Молдавскую Республику, Нагорно-Карабахскую Республику, Турецкую Республику Северного Кипра, Республику Сомалиленд. В 2014 г. к этим политиям прибавились Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика. С некоторыми оговорками в этот список включают Китайскую Республику (Тайвань), Сахарскую Арабскую Демократическую Республику, территории Шан и Ва в Мьянме, районы, подконтрольные ФАРК в Колумбии. Другие политии можно было

бы отнести к де-факто государствам в определенные моменты их истории, но после воссоединения с центральным государством или обретения полной независимости они перестали считаться таковыми. К примеру, Республика Биафара исчезла, республика Сербская стала субъектом Федерации (энтитетом) Боснии и Герцеговины, а Южный Судан и Эритрея получили независимость, как и государство Палестина (независимо де-юре, на 01.09.2021 признается 138 странами – членами ООН). Не относят к де-факто государствам, как правило, государственные образования наподобие сомалийского Пунтленда, Иракского Курдистана, в том числе повстанческие государства, де-факто самостоятельные, власти которых (по крайне мере формально) не стремятся к обретению независимости [Попов, 2014]. Не относятся к де-факто государствам и неконтролируемые территории, образованные в результате деятельности клановых и криминальных группировок, не могущих или не желающих организовать государствоподобные структуры [Васильев, Ключников, Туров, 2016].

Генезис де-факто государств сильно отличается. Они могут возникнуть в результате нежелания центральных правительств удовлетворять потребности всех сообществ в стране [King, 2001 ; Kaufman, 2001] (Грузия, Молдова); распада империи (СССР) и деколонизации (Кипр); фрагментации государства в ходе гражданской войны (Грузия, Азербайджан, Молдова, Кипр, Сомали); перехода от одного режима к другому (Грузия, Азербайджан, Молдова); длительного неразрешенного конфликта из-за территории (Армения против Азербайджана); внутригосударственных разборок элит, политического и экономического недовольства [Dembinska, Campana, 2017]. Несмотря на обширную палитру причин, есть мнение, что все де-факто государства возникли непосредственно в результате этнических войн.

Большая часть современных работ, посвященных де-факто государствам, анализирует замороженную ситуацию. Исследователи изучают роль двусторонних переговоров и посреднических усилий при урегулировании [Ozkan, 2008] и анализируют возможные способы разрешения конфликта [Wolf, 2011]. Так, в классическом труде Пола Колстю [Kolstø, 2006] предлагается четыре пути развития де-факто государств: 1) включение в государство-патрон; 2) обретение полной независимости; 3) возвращение в состав материнского государства; 4) включение в состав государства-патрона или материнского государства в виде автономии. Любой из предложенных путей можно считать успешным для де-факто

государства, даже если оно не достигло желанной полной независимости. Тем не менее наиболее вероятное будущее для де-факто государств – сохранение статус-кво. Работы о статусе де-факто государств способствовали формированию теории замороженных конфликтов. Их особенность состоит в том, что они совершенно оторваны от внутренних процессов, которые происходят в де-факто государствах [Broers, 2013].

Значительный пласт литературы по де-факто государствам – исследования государств-патронов. В этих исследованиях анализируется их влияние на государства де-факто. Нередко государства де-факто рассматриваются как марионеточные политики для их покровителей. В таком контексте государство-патрон использует замороженный конфликт для продвижения своих интересов на международной арене. Действительно, большинство де-факто государств пользуются поддержкой государства-покровителя, которое служит гарантией их жизнеспособности [Kolstø, 2006]. Хотя большинство де-факто государств в значительной степени зависят от поддержки патрона, их можно рассматривать как автономные политические образования, ведь немалое число современных суверенных государств находятся в какой-либо зависимости, политической или экономической, от других государств.

Определенная часть научной литературы посвящена пересмотру концепций суверенитета и государственности. Исследователи различают внутренний суверенитет, подразумевающий право и способность государства осуществлять контроль над своей территорией, и внешний, отражающий готовность других государств это право признавать. Государства де-факто в этих работах понимаются как оспариваемые образования, которые заявили о праве на самоуправление, поддерживают внутренний суверенитет, но не могут получить внешний. Обсуждая взаимосвязь между внутренним и внешним суверенитетом, Р. Джексон и К. Росберг [Jackson, Rosberg, 1986] указывают, что их рост во многом связан с созданием и распределением экономических и политических благ. Накопление внутреннего суверенитета рассматривается как важнейшая предпосылка роста суверенитета внешнего, который проявляется в разной степени фактического, а затем и юридического признания. К.М. Бакке с соавторами [Convincing state-builders?..., 2014] в понятие *внутренняя легитимность* включили три компонента: *легитимность государства* основана на вере в то, что политическое образование имеет право на существование в качестве независимого государства; *легитимность режима* заключается в доверии к

людям, находящимся у власти; *институциональная легитимность* заключается в том, чтобы рассматривать государственный аппарат как функциональный. Восприятие государства, режима и институтов во многом зависит от усилий, которые строители государства прилагают для обеспечения демократических практик, экономической и физической безопасности, а также для укрепления коллективной идентичности [Dembinska, Campana, 2017]. С позиции теории государственного суверенитета существование де-факто государств рассматривается в качестве одного из признаков деградации внутреннего суверенитета материнского государства [Колосов, Себенцов, Туров, 2021].

Другая часть работ отражает внутреннее развитие де-факто государств. Один из ключевых вопросов, стоящих перед исследователями, – почему одни де-факто государства превратились в эффективные политические образования, в то время как другие не смогли выжить. В своей работе Л. Броерс [Broers, 2013] выделяет три фазы развития литературы, посвященной де-факто государствам. Пионеры исследований государств де-факто [Hewitt, 1993; Lakoba, 1995] интересовались внутренним развитием сепаратистских регионов, чтобы объяснить причины этнического отделения. В начале 2000-х годов исследователи [King, 2001 ; Lynch, 2002] обратились к изучению причин жизнеспособности де-факто государств. Ученые на этом этапе часто воспринимали де-факто государства как зоны преступности («черные дыры» или «серые зоны»). Кинг поддерживает идею о том, что замороженные конфликты – успешные примеры государств, рожденных вне войны. И сепаратисты, и власти материнского государства извлекают выгоду из не облагаемой налогом торговли и производства. Вместе с тем с начала 2000-х годов появилась научная литература, которая концентрировалась на процессах государственного и национального строительства. Устоявшиеся де-факто государства как политические образования имеют развитые атрибуты государственности (иногда более развитые, чем в признанных государствах). Для нынешнего этапа характерно куда большее раскрытие внутренней жизни де-факто государств: будь то политические установки граждан (к примеру, многочисленные работы В.А. Колосова, Дж. Тоала, Дж. О'Логлина) или конкуренция элит, избирательная и партийная системы [Ó Beacháin, 2012 ; Ishiyama, Batta, 2012].

Большинству де-факто государств не хватает ресурсов для обеспечения экономического развития. Основные их проблемы – неспособность обеспечения товарами своего населения и восста-

новления послевоенной инфраструктуры. Стремясь заставить экономику работать, государства де-факто создают свои собственные экономические институты и проводят фискальную политику, независимую от центральных государств. Несмотря на усилия по оснащению де-факто государств инфраструктурой, все они сталкиваются с экономическими трудностями и часто полагаются на внешнюю поддержку [Lynch, 2004 ; Caspersen, 2012]. Внутренняя легитимность, однако, зависит от субъективных суждений населения. Для создания и поддержания внутренней легитимности необходимо обеспечить экономическую базу независимо от источника происхождения ресурсов. Несмотря на нестабильную экономическую ситуацию, государства де-факто должны продемонстрировать, что у них дела обстоят намного лучше, чем у материнского государства. Это делается для обеспечения внутренней легитимности [Blakkisrud, Kolstø, 2011].

Региональные и этнорегиональные партии

Акторами, действующими от лица меньшинств, выступают политические движения и партии. Многие подобные образования сформировались еще в XX в., но наиболее влиятельными они стали в XXI в. Такая активизация связана с боязнью ассилияции с другими сообществами, увеличением числа региональных автономий (цепная реакция) и появлением целого ряда новых политий. В ряде случаев движения за самоопределение институционализируются в форме политических партий, действующих в основном в политико-правовом поле государства, на территории которого находится проблемная территория и / или этнокультурная общность. Наличие политических партий обычно свидетельствует о высоком уровне развития политической культуры группы населения, чьи интересы продвигаются этими партиями, и о наличии у нее устойчивых формальных каналов воздействия на центральные властные институты. Исходя из уровня интегрированности подобных партий в политические процессы государства, можно сделать выводы о степени активности движения, его маргинализированности и радикализации, а также строить прогнозы относительно будущего.

Существует множество подходов к наименованию, определению и типологизации подобных политических партий. В отечественной литературе устоялся термин «этнорегиональная партия», которая рассматривается как «следствие процессов регионализации

ции государства, подъема и эволюции национального движения на его территории» [Барсуков, 2016, с. 84]. Более узкий термин – «этнорегионалистские партии» (ethno-regionalist party), они про-двигают не только интересы компактно проживающего этнического сообщества, но и претендуют на обретение политической субъектности [Панов, 2020]. Под этой дефиницией понимаются формаль-ные общественные объединения, созданные в целях представления и обеспечения интересов этнорегиональной общности в органах государственной власти и местного самоуправления, на террито-рии которого проживает эта общность [Van Cott, 2003]. Помимо этого, в англоязычной литературе широко распространено понятие «этническая партия» (ethnic party) или более политкорректное «политическая партия меньшинства» (political parties of minorities). К подобным партиям причисляются те, большинство руководства и членов которых идентифицируют себя как не принадлежащие к доминирующей этнической группе, а их избирательная платформа включает в себя требования и программы этнического или куль-турного характера [Dandoy, 2010].

Форма проявления и конечные цели этнических меньшинств зависят от наличия материнского государства и географического положения внутри него (приграничное размещение рядом с прародиной зачастую может служить основанием для ирредентистских настроений), а также от типа расселения (политический интерес при компактном расселении подразумевает более высокий уровень требований и активности).

Эволюция электоральных исследований привела к появлению более широкого термина – «региональная партия» (РП), кото-рая не всегда тождественна партии этнорегиональной. Наиболее точно трактует понятие РП американский ученый М. Стремиска [Strmiska, 2003]. Под РП он понимает самостоятельные политиче-ские образования, опирающиеся в своей деятельности на специфи-ку региона, его индивидуальность, черпающие свою легитимность через электоральную поддержку местного населения. РП не всегда базируется на этнической идентичности. К примеру, Лига социал-демократов Воеводины относится к РП, но не к этническим, по-скольку стремится представлять интересы населения всей Воеводи-ны, независимо от его этнической принадлежности. А вот Альянс воеводинских венгров представляет интересы исключительно вен-герского меньшинства Воеводины, что позволяет его отнести к этнорегиональным. Кроме того, этническая партия не может быть

региональной, если ее этническая группа проживает дисперсно по всей территории страны [Панов, 2020].

Единого мнения о том, по какому принципу следует сопоставлять РП, не существует. Общая черта таких партий – «территориальность». В отличие от общенациональных партий, РП обычно формулируют программы, исходя из вопросов, затрагивающих только их регион. Если партия действует на всем политическом поле страны, но хочет завоевать голоса в одном конкретном регионе, используя «зонтичный бренд» (испанская ИСРП, Социал-демократическая партия Австрии, Союз спасения Румынии), то речь идет о региональном отделении общегосударственной партии. Исследователи по-разному определяют положение РП в идеологическом спектре. Большинство авторов [Müller-Rommel, 1988 ; Türsan, 1998] рассматривают РП как малые партии, которые не могут быть отнесены к левым или правым, так как их политические установки сконцентрированы на какой-то одной проблеме, специфичной для определенных социальных групп (выше речь шла о территории). Однако некоторые авторы не рассматривают РП как уникальное явление, и относят большинство таких партий к классическим семьям. Другие отводят РП место в левой части спектра, поскольку нередко они идут на выборы в связке с «зелеными» партиями. Ряд исследователей считают, что на положение РП определяющее влияние оказывает характеристика регионов, в которых они действуют: в относительно богатых регионах они стремятся придерживаться правой идеологии, тогда как в относительно бедных регионах – левой.

Основные факторы, влияющие на поддержку региональных партий, можно разделить на две группы: культурные и экономические [Brancati, 2008 ; Sorens, 2012 ; Massetti, Shakel, 2013]. Культурные объяснения поддержки большей региональной автономии подчеркивают роль исторических, традиционных, языковых и этнических факторов. Они часто связаны с некоторыми отличительными чертами идентичности, такими как наличие определенного языка меньшинства [Fearon, van Houten, 2002]. Наличие особого языка у меньшинства может быть не единственным (или даже не главным) признаком культурных различий. Другие культурные различия или аспекты самобытности могут быть обоснованием стремления к большей региональной автономии.

М.В. Исобчук выделяла три группы работ, связанные с выявлением причин успеха региональных движений [Исобчук, 2021]. В первой группе работ подчеркивается важность фактора иден-

тичности, в том числе этнической специфики, и структурных особенностей социальных размежеваний. Вторая группа исследований сосредоточена на изучении институциональных факторов, поскольку на динамику регионализма влияют наличие у региона особого статуса, институционально закрепленные полномочия, преференции, эффекты избирательной системы. Третья группа работ связана с изучением специфических акторов регионализма – партий и движений. Ряд исследователей [Wimmer, Cederman, Min, 2009] отмечают, что региональные партии набирают наибольшую поддержку в регионах: а) где доминирует определенный язык, б) которые географически удалены от политического центра, в) обладают опытом государственности, г) в которых сосредоточена высокая доля населения и ВВП страны.

Стратегии региональных партий различаются и конечными целями, которые варьируются – от требования децентрализации до установки на независимость. Наиболее распространенные требования РП в современной европейской политике – независимость, автономия и федерализм. Все больше РП добиваются не отделения, а деволюции, предполагающей передачу максимально возможного объема полномочий региону. Возникает интересный парадокс: расширение полномочий региона должно привести к идеологической смерти партии. И это действительно происходит, поскольку в результате децентрализации РП теряют поддержку на национальных выборах. Тем не менее предоставление регионам большей автономии не оказывает существенного влияния на стратегию РП, которые требуют все больших полномочий независимо от уровня принятой децентрализации в конкретном регионе.

В регионах, где актуален вопрос отделения, большинство партий – региональные, а основной конфликт разворачивается между сторонниками независимости и автономистами. За этим конфликтом стоят разные траектории развития территории: независимость или сохранение за собой преимуществ нахождения в составе более мощного государства. Такие противоречия свойственны большинству заморских территорий (Синт-Мартен, Гваделупа), островным сообществам (Корсика, Аланские о-ва) и некоторым материковым регионам (Каталония, Страна Басков). Некоторые движения (Баскская националистическая партия, «Ломбардский фронт», «Партия слуг народа» во Французской Полинезии) выбирают промежуточную позицию «умеренных сепаратистов», добивающихся независимости за счет последовательного расширения

автономии [Попов, 2012]. Экономические риски сдерживают такие движения от использования лозунгов независимости [Туров, 2021].

Сепаратизм в Европе: EXIT-движения, региональные партии и борьба за финансовые ресурсы

Европа – часть света с самыми динамичными и «молодыми» политическими границами. Здесь сосредоточено огромное число государственных границ, особенно на разломе бывших региональных гегемонов (Чехословакия, СССР, Югославия). Еще до резкого роста числа государств в конце 1980-х – начале 1990-х, в Европе наблюдалась самая разветвленная сетка государственных границ. Наибольшей трансформации границы Европы подверглись после Первой и Второй мировых войн и в связи с распадом мировой социалистической системы. Результатом Первой мировой войны стало обретение государственности Австрии, Венгрии, Чехословакии и Югославии. Революция 1917 г. в России привела к появлению на карте Латвии, Литвы, Польши, Финляндии и Эстонии. Вторая мировая война привела к еще большей перекроике европейской территории: образовались восемь социалистических государств: Польша, Германская Демократическая Республика (ГДР), Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Югославия и Албания; изменились довоенные границы многих восточноевропейских стран (например, Болгарии и Польши); произошла передача определенных территорий СССР (присоединение Бессарабии и Северной Буковины, Кенигсберга, частей Финляндии). Распад СССР спровоцировал распад мировой социалистической системы и вызвал новую перекроику границы Европы: важнейшим изменением на политической карте региона стало объединение Германии в 1990 г., вместо СССР образовалось 15 независимых государств, на месте СФРЮ образовались современные Словения, Хорватия, Северная Македония, Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория, и частично признанное Косово, а Чехословакия распалась на две части. Такая масштабная перекроики границ в течение XX в. позволила М. Фуше [Foucher, 1991] назвать Европу «машиной по делению границ».

Распад СССР, Югославии и Чехословакии на стыке 1980-х и 1990-х повлиял на рост числа научных работ, посвященных фрагментации политического пространства, в том числе и сепаратизму. Этими темами заинтересовались политологи, социологи, общест-

венные географы [Bremberg, 2020]. Параллельно растет число статей об увеличении роли регионов в контексте «Европы регионов». Исследовательский дискурс этих статей вращается вокруг роли регионов в управлении ЕС: часть исследователей считают модель управления ЕС посттрансформационной, новаторской (к примеру, см. [Bickerton, 2012]), тогда как другие предполагают, что ЕС подрывает суверенитет членов, поскольку все большее количество основных государственных функций передается органам управления ЕС. В настоящее время фокус исследователей сепаратизма преимущественно сконцентрирован на ЕС, хоть риски сецесии в Балканских странах значительно выше.

Исследователи сепаратизма в Европе нередко рассматривают региональный сепаратизм как угрозу евроинтеграции и единства европейского пространства [Bremberg, 2020]. Алармизм связан с последними событиями: выходом Великобритании из ЕС, отказом Венгрии соблюдать общеевропейскую политику в области миграции, ростом популярности идеи евроскептицизма среди граждан стран, входящих в Евросоюз, увеличением поддержки сепацессионистских партий [Kriesi, 2014; Hobolt, Tilley, 2016]. В этих работах сепаратизм имеет однозначно отрицательную коннотацию, рассматривается как угроза существующим национальным государствам. Исследовательский дискурс строится вокруг вопросов укрепления положения регионов ЕС и методов борьбы с индепендентскими движениями. В таких работах подчеркивается, что призывы региональных элит к независимости (или по крайней мере к автономии) – это вызов для ЕС.

Для исследовательского дискурса сепаратизма в конце XX в. характерна позиция, что укрепление регионов ЕС снижает значение национальных государств, а независимость перестанет быть привлекательной для несуверенных регионов. Предполагалось, что «Европа регионов» будет способствовать развитию мирных отношений между государствами-членами ЕС, консолидирует европейское «сообщество безопасности» и снижает напряженность в отношениях между центром и периферией государств-членов. Работы 1990-х и начала 2000-х транслировали идею, что европейская интеграция приведет к снижению актуальности сепаратизма среди политических элит и граждан ЕС. Такое предположение основывалось на нескольких факторах. Во-первых, изменения в правилах структурного финансирования ЕС и правовые нововведения Маастрихтского договора создали новые возможности для региональных политических элит, которые получили доступ к новым материаль-

ным ресурсам и возможность участвовать в политических процессах ЕС [Elias, 2008]. Во-вторых, электоральные успехи политических партий с сепаратистской повесткой вынудили их переформатироваться в общенациональные партии. Это означало, что радикальные требования независимости постепенно трансформировались в более умеренные призывы к большей региональной автономии [Нербург, 2011 ; Туров, 2021]. Считалось, что со временем эти тенденции уменьшат призывы к независимости.

Рост числа политических движений, которые добиваются независимости от национального государства и одновременно поддерживают идеи евроинтеграции⁹, стал для многих ученых неожиданностью [Duerr, 2015]. Так, на основе анализа программ каталонских партий и Шотландской национальной партии (SNP) П. Андерсон и К. Соорен [Anderson, Soeren, 2016] отмечали, что продолжение членства в ЕС занимает значимую повестку сепаратистского дискурса. Новые реалии не прогнозировались в работах начала XX в. – зачем поддерживать независимость, если вы готовы быть частью союза, который максимально ограничивает суверени-

⁹ В научной литературе «выход без выхода из состава государства» обозначается термином «внутренняя сецессия» [Nieguth, 2009 ; Requejo, Nagel, 2019 ; Fessha, 2019 ; Fessha, Ayele, 2021]. «Внутреннее отделение (секессию)» можно представить как расширение, при котором число государств-членов растет, а территория союза – нет. В мировой практике прецеденты внутренней сецессии имели место, к примеру, в федерациях: Швейцарии (выход кантона Юра из кантона Берн в 1978 г.), Канаде (выделение Нунавута в 1999 г.), Индии (к примеру, Джаркханд выделен из штата Бихар, Чхаттисгарх – из Мадхья-Прадеш, Уттаранчал (позже Уттаракханд) – из Уттар-Прадеш в 2000 г., Телингана – из Андрх-Прадеш в 2013–2014 гг. и др.), Эфиопии (выделение штата Сидама в 2020 г.). Прецедентные случаи успешной внутренней сецессии демонстрируют, что она возможна только при одобрении всех сторон (населения выделяющейся территории, населения «материнского» региона и населения государства). Внутреннее отделение всегда основывается на той или иной форме согласия, которое выступает основным элементом федерализма. Тогда как внешняя сецессия может быть осуществлена в одностороннем порядке (например, в виде «неконтролируемых территорий»). Вероятность удовлетворения центральным правительством требования внутренней сецессии относительно внешней выше [Gilliland, 2013], так как государство не рискует потерять территорию. В таких федерациях, как Швейцария, Индия или Канада, «внутренние сепаратисты» не были немедленно лишены легитимности. В этом случае центральное правительство выступает как регулятор отношений между двумя сторонами и должно попытаться сохранить лояльность как к сепаратистскому региону, так и материнскому региону. Центральное правительство, выбрав одну из сторон, рискует нарушить баланс отношений по линиям «центр – регион» или «центр – сообщество».

тет своих государств-членов? Но увеличение / перераспределение таксономических единиц внутри общей системы («территориальное масштабирование» у Bauböck) без выхода из ЕС не представляет угрозу для территориальной целостности ЕС. Поскольку большинство современных сепаратистских движений стремится сохранить членство в ЕС (или не имеет выраженной позиции относительно этого вопроса), то современный европейский сепаратизм не ставит под угрозу сами институты ЕС.

Евросоюз, столкнувшийся с заявлениями о внутреннем отделении (прежде всего Каталонии и Шотландии), пока либо не сформулировал ясного ответа на новые вызовы, либо встал на сторону государств-членов [Muro, Vlaskamp, 2016]. Альтернативой для ЕС может стать заключение соглашений *Modus vivendi*, касающихся конкретных случаев. Такие соглашения повысят вероятность внутриевропейского отделения [Requejo, Nagel, 2019]. Однако вопрос о внутренней сецессии ЕС релевантен при условии, что авторы принимают позицию о единстве Европы и, соответственно, возможности сецесии из ЕС. Таким образом, вопрос о внутриевропейской сецессии вклиниен в старые размежевания (к примеру, в вопросах единого гражданства и европейской идентичности) в научной среде.

Большинство работ XXI в., посвященных сепаратизму, указывают на рост числа очагов европейского сепаратизма. Прежде всего данный феномен объясняется теорией жизнеспособности [Jolly, 2007 ; Laible, 2008], согласно которой малые страны внутри ЕС более управляемы, успешны и состоятельны. Тренд на сепаратизм в ЕС основывается на том, что сепаратистские регионы и в дальнейшем смогут пользоваться всеми благами ЕС, а это делает идеи сепаратизма популярными среди граждан. В формуле «сесессия без выхода из ЕС» у новоявленного государства сохраняются общий рынок, валюта, не нужно организовывать таможенную службу, демаркировать границы и т.д.

Однако получение независимости от государства – члена ЕС вовсе не означает автоматическое членство в ЕС для новообразованного государства [Осколков, 2018]. Бывший президент Европейской комиссии Романо Проди сформулировал положение [цит. по: Piris, 2017]: любая часть государства – члена ЕС, становящаяся независимым государством, должна повторно подать заявку на членство в ЕС в соответствии со статьей 49 Договора о Европейском союзе (TEU) и следовать всем процедурам, с помощью которых рассматриваются заявки на членство. Это означает, что Комиссии

сначала необходимо оценить, отвечает ли новое государство всем требованиям для членства в ЕС, и что существующие государства – члены ЕС должны единогласно согласиться принять новообразованное государство в качестве нового члена. Очевидно, такой процесс может занять значительное время. Кроме того, некоторые государства – члены ЕС будут возражать против принятия нового государства. Однако есть ученые, которые оспаривают тезисы так называемой доктрины Проди [Kenealy, 2014].

Другая причина роста европейского сепаратизма – неудовлетворенность части регионов самими институтами ЕС. Расширение ЕС в 2004 г. и последующие территориальные трансформации изменили региональную политику ЕС: финансирование, предполагавшееся для Корсики, Окситании, Сардинии, Галисии и т.п., было перераспределено в пользу депрессивных регионов «новых» членов ЕС. Если внутри своего государства указанные регионы – маргинальные, то на фоне восточных окраин ЕС они «регионалы-середняки», оказавшиеся проигравшими в результате реформ. Сепаратизм для них – это возможность исправить собственное положение [Requejo, Nagel, 2019].

Брэзит иллюстрирует альтернативный сценарий, в котором экономические интересы элит, в том числе транснациональные социальные связи, побуждают их поддерживать членство в большом мультикультурном или многонациональном объединении, в то время как проигравшие от либерализации экономики граждане, особенно принадлежащие к коренному населению территории, поддерживают отделение [Medrano, 2019].

Изучение (этно) региональных партий – основной тренд европейских исследований дезинтеграционных процессов

Фактическая сепатация [Попов, 2012] крайне редкое явление для западных европейских демократий, тем не менее в данном макрорегионе фиксируется максимальная концентрация региональных и этнорегиональных партий и движений. Возникновение формализованных этнорегиональных партийных движений относят к концу XIX–XX вв., соотнося его с периодом формирования европейских партийных систем [Gómez-Reino, 2008]. В европейской исследовательской традиции принято выделять следующие «волны» политической мобилизации. Первая волна совпадает с моментом возникновения раскола между центром и периферией в

конце XIX в. В этот период возникает ряд еврейских партий – Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России, Еврейская народная партия Folkspartei в Польше и Литве, World Agudath Israel в Польше, а также Шведская народная партия в Финляндии и другие. Начало второй волны мобилизации этнорегиональных партий (ЭРП) происходит в 1970-е годы. Так, на политическую арену Бельгии выходит валлонская Rassemblement wallon, Франции – Демократический бретонский союз и т.д. Третья волна мобилизации, начавшаяся в 1980-е годы, по мнению европейских исследователей, ознаменовала не только возрождение противоречий между центром и периферией, но и качественно новые культурные реалии европейской политики. Во второй и третьей волнах этнорегиональной мобилизации раскол центра-периферии привел к появлению новых партийных образований, таких как «Фламандский интерес» во Фландрии в 1978 г. или Галисийский националистический блок в Галисии в 1982 г. Более того, последние две волны этнорегионалистской мобилизации привели к появлению новых партийных образований в регионах или территориях трех европейских государств, где не существовало прежде этнорегиональной мобилизации. Речь идет об Испании (Арагон, Канарские острова, Андалусия), Италии (Ломбардия, Венеция, Пьемонт) и Франции (Савойя) [Между сепаратизмом..., 2006].

Исследователи выделяют [там же] три типа политического участия ЭРП в органах законодательной и исполнительной власти. Они: а) выступают в качестве блока в правительственные коалициях («Демократическая ассамблея Истрии», «Приморье-Горский Котар Союз», «Список Риеста» в составе блока «Еще более сильная коалиция Истрии» в Хорватии, «Лига Севера» представляет из себя коалицию партий итальянских северных областей); б) выступают в качестве оппозиции существующему парламентскому блоку; в) выступают сильным игроком в местных органах власти (региональный парламент). Особенностью последних лет стало появление этнорегиональных партий, представляющих интересы не только «исконных этнических сообществ» (автохтонного населения), но и аллохтонного населения, появившегося на этой территории в результате миграций [Кузнецов, 2015]. Такой тренд характерен для стран с более высоким уровнем социально-экономического развития (преимущественно страны Западной Европы), но постепенно подобные движения появляются и в Восточной Европе (уровень жизни здесь значительно выше, нежели в классических современных странах эмиграции). Яркими примерами таких партий высту-

пают Denk и «Союз за обновление и справедливость», представляющие интересы граждан турецкого происхождения в Нидерландах и Германии соответственно [Осколков, 2020]. Пока они не пользуются широкой поддержкой представителей сообщества вследствие их дисперсного проживания и отсутствия права участия в выборах, но потенциально они могут превратиться в серьезную силу в Европе.

Стремительная политическая и экономическая трансформация, произошедшая в последние десятилетия в Европе, спровоцировала рост этнического самосознания. Несмотря на то что многие исходные линии этнических разломов уступили место границам новых независимых государств, в регионе ЦВЕ остается еще множество этнических сообществ, желающих изменить свой территориально-политический статус. Кроме того, этнический раскол в государствах Европы обычно вклинивается в логику других европейских расколов. Согласно Сеймуру Мартину Липсету и Стейну Роккану [Lipset, Rokkan, 1967], происхождение подобных расколов может быть связано с национальными революциями: а) конфликт между центральной культурой строительства нации-государства и усиливающимся сопротивлением отличных культур провинций и периферий (культурно, этнически и / или религиозно), а также б) конфликт между централизующим, стандартизующим и мобилизующим государством-нацией и исторически укрепившимися привилегиями церкви. Другие линии размежеваний зародились еще во времена индустриальной революции: в) конфликт между интересами земельных собственников и растущего класса предпринимателей и г) конфликт между собственниками и работодателями, с одной стороны, рабочими и служащими – с другой.

Отдельный срез работ посвящен изучению исключительно региональных партий. Анализ электоральных результатов [Туров, 2021, с. 36] позволил установить, что ареалы влияния региональных партий покрывают 40% территории Европы на субнациональном уровне. При этом их поддержка сильно варьируется в разных европейских странах. Наиболее значительна она в таких регионах, как Гренландия и Фарерские о-ва (Дания), Наварра, Страна Басков, Каталония (Испания), Корсика (Франция), Валле-д'Аоста, Больцано / Южный Тироль, Сардиния (Италия), Воеводина (Сербия), Аландские о-ва (Финляндия), Бавария (Германия). Высокую поддержку РП имеют в Кырджалинской и Разградской областях (Болгария), общинах Беране и Рожае (Черногория), Нитранском (Словакия) и Либерецком (Чехия) краях, Острботнии (Финлян-

дия), Астурии (Испания), Арбе (Мальта). Однако этим регионам в политической литературе уделено существенно меньшее внимание. Есть целая группа регионов, где РП получают серьезную поддержку, но об их деятельности мало что известно. Многие ли СМИ освещают аглонский (Латвия) и серравалльский (Сан-Марино) случаи?

В странах с глубокой сегментацией политического пространства возможны три пространственных противоречия [Туров, 2021] в территориальной структуре: 1) вся партийно-политическая система строится на этнолингвистическом размежевании (Бельгия, Босния и Герцеговина); 2) в составе страны есть регион с историко-культурным своеобразием и поэтому получающий большую поддержку (Воеводина в Сербии, Истрийская жупания в Хорватии); 3) повышенная активность и электоральные успехи РП и движений на микроуровне (Латвия, Литва, Сан-Марино, Андорра). Но в большинстве европейских стран РП получают поддержку в одном или нескольких регионах страны (немецкая Бавария, французская Корсика).

Наиболее значительных успехов РП добились в Западной Европе, где регионализм становится политическим мейнстримом. Они нередко выступают преемниками старых этнерегиональных движений с гипертрофированной ролью языкового группообразующего фактора [Попов, 2012]. В современных движениях региональный компонент начинает преобладать над этническим. Такой идентитарный переход стал возможен благодаря процессу «конструирования» регионов – политики Европейской комиссии и национальных правительств по передаче все более широких компетенций на региональный уровень – децентрализации, опирающейся на использование символического капитала и потенциала территории. Через Комитет регионов, Конференцию европейских регионов и городов (KERS) и другие институты ЕС поощряет развитие региональной идентичности и расширяет межрегиональные связи [Холодковский, 2018]. Граждане охотнее доверяют решение локальных проблем региональным институтам власти, чем общегосударственным. В Западной Европе это влечет дерадикализацию большинства старых региональных движений и высокую институционализацию их политической деятельности.

В восточноевропейских странах партийные ландшафты более изменчивы. В течение прошлого столетия административные границы неоднократно перекраивались, а некоторые группы населения были перемещены (к примеру, обмен населением между

Болгарией и Румынией, депортации немецкого населения по итогам Второй мировой войны, перемещение сербского населения из очагов напряженности в Косово и Боснии и Герцеговине и т.д.). Сохранились сообщества, которые не устроили результаты трансформации. Этническая чересполосица повлияла на популярность партий меньшинств, которые получают наибольшую поддержку в регионах их компактного проживания, примыкающих к границе с государствами, в которых эти группы являются титульными (этнические партии венгров в Словакии, Румынии, Сербии и Украине, партии турок в Болгарии и т.д.) [Тэвдой-Бурмули, 2019].

На Балканах отношения центра с периферией, в которой возрождаются специфические идентичности, до сих пор не устоялись и нередко остаются конфликтными. Большинство РП преследуют септицистские цели, что может вызвать дальнейшее дробление политического пространства. В Центральной и Восточной Европе этнорегиональных партий меньше, и они добиваются скорее расширения культурной автономии, нежели отделения. Но результаты последних выборов фиксируют стремительный рост регионалов нового типа именно в ЦВЕ.

Несмотря на рост популярности РП, в Европе все еще остается достаточно «белых пятен», где такие партии не представлены в политическом поле [Vanschoonbeek, 2020 ; Туров, 2021]. Если в Испании, Бельгии, Италии в большинстве регионов действуют РП, то, к примеру, в Исландии, Албании и Словении они вовсе отсутствуют. Не всегда число и популярность РП отражают региональные противоречия. Например, в Румынии слабые РП, но сильные региональные противоречия. В то же время Азорские острова и остров Мадейра обладают политической автономией, не имея РП. В ряде европейских стран действия РП ограничены (Греция, Украина) или даже запрещены (Россия и Португалия). В некоторых странах (Сербия), наоборот, зафиксирована норма представительства в парламенте и региональных органах власти регионов и / или этнических сообществ вне зависимости от электоральных результатов.

Африка: трайбализм, религиозные распри и борьба за ресурсы

В Африке фрагментация политического пространства с середины XX в. выражена наиболее ярко и устойчиво. На континенте не только быстро растет число признанных государств, но и

происходит их последующее дробление на более мелкие политики разной степени зрелости. Отдельные исследователи [Колосов, Себенцов, Туров, 2021, с. 36] отмечают пространственный рост неконтролируемых территорий (с 9% в 2006–2010 гг. до 12% в 2014–2019 гг.) и численности проживающего там населения (с 3,5 почти до 7%). Свыше 20 стран Африки в той или иной мере охвачены сепаратистскими движениями, которые различаются по целям, задачам и методам борьбы за достижение поставленных целей. В статье «Факторы сепаратистского движения в Африке» Е.Н. Корендясов выделяет среди наиболее значимых факторов сепаратизма на континенте этнический, религиозный, проблему границ, кризис государственности (неустойчивость государств), а также внешнее вмешательство [Корендясов, 2020].

Искусственный характер большей части африканских границ, малый опыт собственной государственности, трайбалистское и клановое сознание определяют низкий уровень проникновения государственных институтов в повседневную практику африканских обществ и общую слабость африканских государств, из которых значительную часть можно отнести к категории несостоявшихся. Подавляющее большинство африканских сеприсений управляемы харизматическими лидерами – полевыми командирами и вождями местных племен [Колосов, Себенцов, Туров, 2021].

Сепаратистские устремления были постоянной характерной чертой африканской политики. Тем не менее сам феномен сепаратизма на африканском континенте формально находится под запретом – Каирская декларация 1964 г. Организации африканского единства содержит положение о том, что границы на континенте не будут перенарезаться, чтобы избежать будущих пограничных конфликтов [Schomerus, Englebert, de Vries, 2019].

Э. Келлер [Keller, 2007] на примере Биафры, Эритреи и Южного Судана особо отмечает роль этнолингвистических различий как фактора мобилизации сеприссионистских движений. По мнению автора, в условиях принципа нерушимости границ в Африканском союзе, ключевую роль в успешности сеприссии играют не внутриполитические условия, а фактор внешней (международной) поддержки. Российские политики-географы Ф. Бражалович, М. Ключников и А. Лукьянов [Brazhalovich, Klyuchnikov, Lukyanov, 2016] особо отмечают роль клановости и трайбализма в дезинтеграционных процессах в Тропической Африке. Авторы рассматривают феномен «рухнувшего» государства («failed state») на примере Сомали, рассуждая о том, как крах государственных институтов порождает

комплекс проблем – сепаратизм, терроризм, радикальный исламизм, пиратство.

Т.С. Денисова и С.В. Костелянец [Денисова, Костелянец, 2021] отмечают слабость сецессионизма как инструмента решения проблем национальной идентичности, социально-экономического развития и преодоления политической маргинализации в Африке. На примере Южного Камеруна авторы рассуждают, может ли сепаратизм привести к стабильности на континенте, к улучшению материального положения и к повышению уровня безопасности граждан отковавшихся государств.

Важный труд по сепаратистским движениям в постколониальной Африке – коллективная монография под редакцией Р. Берекетеаба [A self-determination..., 2015]. В работе произведен критический анализ международного права в области сепаратизма: рассмотрены хартия ООН, подходы Организации африканского единства и Африканского союза. Оспаривается тезис о том, что самоопределение и сепаратизм способны привести к миру, стабильности, развитию и демократизации в конфликтных африканских обществах, особенно с учетом результатов успешных сепессий в Эритрее и Южном Судане. Указывается на сложности построения в Африке жизнеспособных государств в постколониальную эпоху. Анализируются geopolитические, экономические, идеологические и прочие факторы, определяющие успешность сепессии. Исследуются различные пути к самоопределению, особое внимание уделяется реконфигурации государств. Рассматриваются примеры африканского сепаратизма, возникшего на фоне гражданских войн и конфликтов (Судан, Нигерия, Конго), краха государственности и интервенции крупных держав (Сомали), продолжающегося процесса деколонизации (Намибия, Эритрея, Западная Сахара).

Работа Ч. Томаса [Thomas, 2018], посвящена обзору сепаратистских движений в постколониальной Африке. Автор раскрывает политические цели сепаратизма, кратко рассматривает эволюцию и генезис сепаратистских конфликтов на континенте в течение последних 60 лет. В числе одной из главных причин сепаратизма Ч. Томас видит проблему несправедливых постколониальных политических границ, которые разорвали ранее существовавшие социальные, культурные, политические и экономические связи. Родственные народы, по убеждению автора, оказались разделены политическими и экономическими границами. Отдельные группы населения чувствовали себя маргинализованными в этих новых границах, что в конечном итоге привело к недовольству и

нашло выход в насильтвенных попытках пересмотреть политический порядок. Идеи некоторых этнолингвистических групп по самоопределению служили фактором укрепления местной национальной идентичности и пользовались значительной поддержкой населения.

Рассмотрев эволюцию сепаратизма в Африке с 1960-х годов (Катанга, Биафра) до настоящего времени (Судан, Сомали, Мали), автор делает вывод, что сепаратизм в постколониальной Африке не стал распространенным явлением. Успешности сецессии препятствует принцип нерушимости границ на континенте и позиция Африканского союза, закрепляющая территориальную целостность африканских государств. Однако примеры Эритреи и Южного Судана иллюстрируют, что процесс самоопределения народов на континенте не завершен, и сегодня в Африке наблюдается новый виток борьбы за сецессию, автономию и ирредентизм. Ч. Томас и Т. Фалола [Thomas, Falola, 2020] выделяют три «волны» сецессий в постколониальной Африке. В главе I рассматриваются ранние попытки сецессий на примере Катанги и Биафры. В главе II анализируются примеры успешных сецессий в Эритрее и Южном Судане, которым предшествовали период продолжительных гражданских войн и внешнее вмешательство. В главе III на примере Сомалиленда и Азавада освещается специфика «новой волны» сецессионизма в период после окончания холодной войны. Авторы заключают, что успешность сецессии в современной Африке зависит от целого ряда факторов, в числе важнейших из которых – международная поддержка.

М. Шомерус, П. Энглеберт и Л. де Фриз [Schomerus, Englebert, de Vries, 2019] исследуют африканский сецессионизм через категории недовольства и разочарования африканских народов («aspiration», «grievance», «performance», «disenchantment»), анализируя причины, побуждающие их к сецессии. В работе перечислен ряд причин столь широкого распространения феномена: в некоторых случаях возлагают ответственность на бывшие колониальные державы и международное сообщество, в других – подчеркивают внутренние причины (культурные различия или нежелание взаимодействовать с государством). Многие из представленных здесь случаев предлагают комбинацию аргументов. Поскольку сепаратизм в Африке, затрагивая многие аспекты политической и социальной жизни, как бы представляет собой танец вокруг широкого круга вопросов, авторы сравнивают его с брейк-дансом.

Итак, подробнее рассмотрим четыре базовых разновидности африканского сепаратизма. 1. *Сепаратизм как устремления* (случай с туарегами в Мали и Нигере, англоязычными движениями в Камеруне, Огаден в Эфиопии). Сепаратизм понимается как способ выхода из более широкого кризиса, основанного на вопросах идентичности или маргинализации (под ней авторы понимают отсутствие политического представительства, ослабление языковой идентичности или культурных институтов или целенаправленную экономическую отсталость территории). 2. *Сепаратизм как выражение недовольства* (Западная Сахара, Занзибар, Кабинда, Майотта, Сомалиленд). Отделение используется для поддержки требований «постколониальной деколонизации». Эти случаи связаны с поиском работающих систем управления, будь то системы федерализма или автономии. 3. *Сепаратизм как представление* (Казаманс, лози в Замбии, Биафра, Катанга). Сепаратизм используется в качестве политического рычага. Мобилизующий дискурс, который облегчает переговоры для достижения других целей, будь то местная автономия, более широкий доступ к существующим суверенным ресурсам или политическое представительство в центральном правительстве. 4. *Сепаратизм как разочарование*. Два случая успешного постколониального отделения (Эритрея и Южный Судан) подчеркивают, что отделение от материнского государства не обязательно приведет к решению проблем. Войны и конфликты могут продолжаться после отделения части страны [Schomerus, Englebert, de Vries, 2019].

Международное право оставляет место для различных толкований разных прецедентов, в том числе и в Африке. К примеру, позиция международного сообщества относительно независимости Южного Судана и Эритреи резко контрастирует со случаями Западной Сахары или Сомалиленда. Р. Берекетеаб [A self-determination..., 2015] утверждает, что Африканский союз явно отдает приоритет «целостности государства над правами людей». Он предлагает разные теории о том, как Южному Судану удалось стать исключением из африканских стран. Главный аргумент, делающий сеприссию возможной, – совпадение двух условий: желание сепаратистского образования отделиться и способность материнского государства отпустить часть своей территории.

Большинство африканских сеприссий стремятся к формированию новой политии по образцу классических национальных государств. Сепаратистские движения в Африке по-прежнему ориентируются на постколониальную государственную систему.

Поэтому политические изменения (в том числе и отделение), переосмысление существующих структур в большинстве случаев не приносят желаемых результатов. Однако недавние призывы к созданию новых исламских халифатов демонстрируют, что национальные государства – не безальтернативная форма государственности на континенте.

Ближний Восток и Северная Африка: ирредентные нации, внутриконфессиональный раскол и постколониальная реальность

Территория, называемая Ближним Востоком, не имеет четких границ. Отечественные авторы, посвящающие свои работы этому региону, могут руководствоваться как списком Большой Российской Энциклопедии, так и другими описаниями. Например, к перечню принадлежащих Ближнему Востоку стран могут добавляться Иран [Звягельская, Свистунова, Сурков, 2020 ; Тураев, 2020], Пакистан и Афганистан [Тураев, 2020]. И в зарубежных, и в отечественных работах понятие «Ближний Восток» соотносится с англоязычным Middle East, буквально «Средний Восток». Оба понятия могут использоваться как тождественные или различающиеся в зависимости от странового состава [Ахмадуллин, 2014]. Из-за неопределенности границ рассмотрим регион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА, MENA, Middle East and North Africa), которым также оперируют исследователи [Naceur, Ghazouani, 2007; O'Sullivan, Rey, Mendez, 2011/2012; Гулькин, 2017; Неклесса, 2019; Furness, Trautner, 2020].

Ближний Восток – территория, богатая горючими природными ископаемыми и обладающая стратегическим положением. Суша между восточным побережьем Средиземного моря и Аравийским морем выполняет роль связующего звена между Европой и Азией, что играло особенно важную роль во время мировых войн, когда армии европейских стран зависели от поставок продовольствия и формы из азиатских колоний [Gayer, 2010]. Значимость региона для Европы стала причиной вмешательства в контроль над входящими в него территориями. В 1916 г. между Францией, Великобританией и Российской Империей было подписано соглашение о разграничении сфер влияния на арабских территориях прекратившей свое существование Османской Империи, соглашение Сайкса-Пико [Sørli, Gleditsch, Strand, 2005; Bowker, 2013].

Память об этом соглашении жива в сепаратистских движениях Ближнего Востока до сих пор. Например, в 2014–2015 гг. к теме «уничтожения линии Сайкса – Пико» обращались лидеры ИГ (запрещено в РФ) [Ruthven, 2014; Bâli, 2016]. Другим примером внешнего вмешательства, имеющего значение в современном мире, служит разделение Ирана на зоны советского и британского влияния в середине 1940-х. Внешний фактор также оказал большое влияние на характер национальной борьбы курдов [Ryzhov, Borodina, 2016].

Интерес к Ближнему Востоку сохраняется. Он прослеживается в тематике работ, посвященных конфликтам на территории БВСА. Исследования посвящаются изучению влияния границ на возникновение противоречий между группами населения [Nagel, 1978 ; Peters, 2006 ; Nazemroaya, 2020]; большое внимание уделяется развитию конфликтов, их описанию. Индикатором повышенного внимание к региону можно назвать существование тематических научных журналов и сайтов («Азия и Африка сегодня», «Middle East Quarterly», «Mideast Security and Policy Studies», «Ислам на Ближнем и Среднем Востоке» и др.).

Границы, определенные соглашением Сайкса-Пико, почти не совпадают с современными границами; этот договор служит скорее примером наличия западных интересов в регионе. Тем не менее границы стран БВСА не всегда совпадают с культурными ареалами. Существует две диаметрально противоположные позиции, касающиеся значимости «искусственных» границ в повышении конфликтогенности региона. Первая, «радикальная», полагает существующие границы одним из главных факторов возникновения конфликтов [Nagel, 1978 ; Peters, 2006 ; Nazemroaya, 2020]. Авторы, придерживающиеся второй позиции, считают, что «неестественность» отдельных существующих ближневосточных государств (например, Ирака), границы которых не совпадают с культурными ареалами, можно считать проявлением колониализма, проецированием европейского опыта на другие регионы. Это суждение основывается на утверждении о том, что для Ближнего Востока характерно существование разнородных общин, уживающихся на одной территории. Следовательно, проведение границ по культурным ареалам для этого региона естественно [Bâli, 2016].

Вне зависимости от этих суждений, в реальности регион БВСА – это территория, на которой существуют ирредентные нации (к ирредентным можно причислить курдов, белуджей, пуштунов). Территории проживания этих этнических групп – очаги сепаратизма, ирредентизма. Сепаратистские движения здесь

направлены на создание отдельных государств. В случаях Курдистана и Белуджистана такие государства могут быть созданы в результате выделения частей из состава граничащих стран. В ряде работ, упоминающих политические движения, встречается термин «разделенные нации». По В.А. Колосову и Н.С. Мироненко, разделенные нации – это «нации, оккупированные двумя или более государствами, препятствующими политической мобилизации и территориальной реконсолидации» [Колосов, Мироненко, 2001, с. 194]. В этом определении усматривается угнетение одной нацией другой, которое встречается и в других работах. Так, рассуждая о турецком национализме, Н. Шестаков пишет: «Местный национализм не носил расистского характера, не был ирредентистским, т.е. не направлялся против какого-либо этноса. Напротив, он имел объединяющий характер, указывал на единство и неделимость нации и страны, направлял усилия турок на достижение общенациональных целей» [Shestakov, 2019, р. 65].

Несмотря на возможность общего описания трех упомянутых выше движений сепатионизма единым способом, каждый из них имеет особенности. Так, на территории проживания пуштунов движение за создание Вазиристана охватывает не весь ареал проживания этноса, а ограничивается его югом и юго-востоком. Его относительная локальность связана с тем, что основа для сепаратизма здесь – религия. Исламский Эмират Вазиристан может считаться примером мусульманского сепатионизма [Попов, 2012]. Религиозная радикализация в Вазиристане особенно активно происходила в 1990-е годы и была связана с развитием конфликта на территории Афганистана [Варламов, Мартыненко, 2017]. В истории Пакистана есть период «ирредентной» борьбы пуштунов за создание собственной автономии, Пуштунистана, но она сошла на нет спустя несколько лет после раздела Британской Индии в 1947 г. и скорее была проявлением автономизма, чем сепатионизма [Паничкин 2011; Паничкин, Мусаев, 2013].

Регион БВСА – относительно однородный в конфессиональном отношении, большая часть населения здесь исповедует ислам. Это определяет невысокий уровень развития религиозных конфликтов в Северной Африке, где сепатионистские движения в целом развиты слабо, а также скромную представленность сугубо конфессионального сепаратизма. Это свидетельствует о том, что утверждение о «кровавых границах ислама» Самюэля Хантингтона не имеет силы по крайней мере внутри этих самых границ [Huntington, 1996], так как масштабные межконфессиональные

конфликты встречаются здесь относительно редко и не являются более «кровавыми», чем другие [Fox, 2001].

Тем не менее конфессиональный фактор играет роль во внутриконфессиональных противоречиях; применительно к региону БВСА речь идет о шиитско-суннитских конфликтах. Примером очага сепрессионизма здесь может служить Южный Ливан, в котором в период гражданской войны 1985–2000 гг. противостояние происходило между шиитскими и христианскими группами – с одной стороны и суннитскими – с другой [Попов, 2012].

Наравне с конфессиональным сепрессионизмом, к которому относится Вазиристанский сепрессионизм, в регионе БВСА присутствует этнический фактор, ярко проявляющийся в сепаратистских движениях Курдистана и Белуджистана. Курдистанский сепаратизм может быть описан как ирредентизм, стремление четырех территорий превратиться в единое государство. Однако методы борьбы у Иракского, Турецкого, Сирийского и Иранского Курдистана рознятся, из-за чего, по мнению отдельных авторов, представить эти движения как единое целое сложно [Кудряшова, 2014].

В Белуджистане движение развивается в основном на территории Пакистана и носит «волной» характер, проявляющийся в регулярных подъемах этнического самосознания. Иран, не заинтересованный в успехе белуджийского сепаратизма, оказывает финансовую поддержку приграничным территориям Пакистана для сохранения там социальной стабильности [Морозова, 2011 а]. Однако внешнее участие, нацеленное на экономическое развитие Белуджистана, может быть и дестабилизирующим фактором. Примером служит участие Китая в строительстве порта Гвадар [Морозова, 2011 б].

Другим примером сепрессионизма, отчасти имеющего в своей основе этническую инородность территории, служит сепаратистское движение в Ахвазе, или Хузестане, районе проживания Иранских арабов [Abdian, 2017]. За свою историю регион Ахваза обладал разной степенью автономности от более крупных государств, и его неофициальное название, распространенное в Иране, «Арабистан», говорит об особенности территории в глазах обывателей [Ryzhov, Borodina, 2016 ; Abdian, 2017]. За XX век процент арабского населения в Ахвазе сократился. Это связано с обнаружением в районе нефтяных месторождений в 1908 г., после чего арабы начали вытесняться представителями других национальностей, иммигрирующими в регион [Abdian, 2017]. Тем не менее современный Ахваз – центр развития сепрессионистского движения, оформленного в конце 1950-х [Ryzhov, Borodina, 2016]. Причем основывается

это движение не только на подъеме этнического самосознания, но и на экономических интересах – углеводороды, добываемые на месторождениях Ахваза, «потребляются» всем Ираном.

По мнению Ф.А. Попова, в пределах региона БВСА сецессионизм может иметь место и без этнического или конфессионального основания. Пример такого явления – сепаратистское движение в Южном Йемене. Оно развилось на южных территориях Йемена, существовавших несколько десятилетий автономно от более северных. В первой половине XX в. после Первой Мировой Войны они стали Британскими владениями, а после обретения независимости от Великобритании и до 1990 г. испытывали сильное советское влияние [Boucek, Ottaway, 2010 ; Laub, Robinson, 2016].

Отдельно отмечается существование на территории региона БВСА условно-сепессионистских движений. Термин был введен Ф.А. Поповым в его книге, согласно ему условно-сепессионистское движение определяется как «политическое движение, целью которого является формирование независимого государства на территории, не принадлежащей с позиции международного права ни одному государству мира» [Попов, 2012, с. 33]. На Ближнем Востоке примером такого движения служит движение на Палестинских территориях. Для него, как и для условно-сепессионистских движений в целом, характерно существование рядом другого, более мощного государства (Израиль), контролирующего значимую часть территории и выступающего в роли субъекта, с которым взаимодействует сформировавшееся движение, отстаивающее право определенной группы на независимость (арабы Палестины). К такому же типу движений относится и сепаратизм в Западной Сахаре [там же].

Можно выделить несколько черт, присущих сепессионистским движением региона БВСА:

1. Высокая значимость племенного фактора в появлении и развитии сепессионистских движений. Племенное устройство общества в странах БВСА подразумевает существование племенной иерархии, и, как правило, члены племен, имеющих больший вес, участвуют в сепаратистских движениях, могут направлять их и стоять во главе их. Ярким примером здесь служат Белуджистан и Курдистан. Племенная роль в политической жизни и в конфликте подчеркивается в статьях М.Ю. Морозовой и других исследователей [Nagel, 1978 ; Van Bruinessen, 2002 ; Морозова, 2011 а].

2. Невысокая значимость религиозного фактора, определяемая относительной конфессиональной однородностью региона.

На передний план здесь выступают не межконфессиональные разногласия, а внутриконфессиональные, развивающиеся между отдельными течениями одной конфессии, ислама. Фактор религиозных расхождений может играть и вторичную роль; пример такой ситуации приводит в одной из своих работ, рассуждая об особенностях сектационистского движения в Ахвазе, А. Кхоснуд [Khoshnood, 2021].

3. Значимая роль исторических границ. В научной сфере мнения по поводу того, как именно влияют существовавшие ранее и существующие сейчас границы на конфликты, разнятся [Nagel, 1978 ; Peters, 2006 ; Bâli, 2016 ; Nazemroaya, 2020]. Интерес к теме свидетельствует о заинтересованности исследователей в разрешении существующих конфликтов. В качестве примера территории, на которой роль исторических границ проявляется ярко, приведем Южный Йемен, страну, обретшую свои современные границы только три десятилетия назад в результате «сшивания» двух крупных участков территории. В данном случае имеют значения не только политические границы, но и культурные, проявляющиеся в конфликтах с участием ирредентных наций.

Заключение

Сепаратизм – многогранное политическое явление. Оно заключает в себе требование определенного сообщества о суверенитете части территории страны, нередко подкрепляемое правом на самоопределение. Основаниями для сепаратистских требований служат: политическое недовольство этнических или религиозных меньшинств, социальная и политическая маргинализация их представителей, исторические нарративы и экономические причины. Современный сепаратизм не всегда определяется стремлением к независимости. Сепаратистские лозунги используются как эффективный политический инструмент, как угроза при оспаривании результатов выборов, изгнании нежелательных политических лидеров, переосмыслинии истории или в целях предотвращения вмешательства третьих сторон во внутренние процессы.

Сепаратизму способствует неопределенность социальных перспектив, рост политической турбулентности, асимметрия и асинхронность развития соседних территорий, растущие фрустрация и неуверенность граждан в завтрашнем дне. Кроме этого вынужденное подчинение международным нормам и правилам, раз-

работанным в интересах наиболее сильных политических игроков, вызывает во многих странах и регионах закономерный протест.

Сепаратизм – глобальное явление, поскольку современные сепаратистские движения охватывают большинство современных государств. При этом фрагментация политического пространства отнюдь не противоречит глобальным явлениям, а, наоборот, является частью глобализации. Глобализация – это процесс ликвидации границ и наведения мостов. Ломая границы государств, делая их транспарентными, глобализация ослабила национальные государства, сделала их уязвимыми. Одновременно она стала стимулом для развития сепаратистских движений, которые посчитали, что экономика их территорий выиграет от прямого вхождения в глобальный рынок. Процессы глобализации усугубляют межрегиональные контрасты, что наряду с возросшими масштабами международных миграций оказывает серьезное воздействие на идентичность, ослабляя связи части граждан с общегосударственной общностью и, наоборот, укрепляя региональную идентичность, особенно в регионах, населенных этническими меньшинствами.

Исходя из роста числа разного рода сепаратистских движений можно было бы ожидать постоянного дробления политического пространства, однако на практике этого не происходит. Сепаратистским движениям редко удается добиваться независимости. Именно поэтому они становятся более pragматичными, а в их программах наблюдается сдвиг от сепаратизма к регионализму. В настоящее время большинство сепаратистских движений сосредоточены на том, чтобы получить такую форму автономии, которая удовлетворяла бы как собственно сепаратистский регион, так и материнское государство. Мировой финансовый кризис 2009 г., пандемия COVID-19 приводят к росту протекционизма, усилинию суверенитета национальных государств, укреплению границ. Центростремительные тренды следует рассматривать как контратенденцию потенциальному «веку сепаратизма».

Внимание исследователей к сепаратизму будет зависеть от частоты прецедентов. Автор обзора предполагает, что исследования сепаратизма продолжат дробиться: все большее число работ будет посвящено составным элементам сепаратизма (сепаратизм, автономизм, индепендизм и др.) и смежным феноменам (ирредентизм, безгосударственные нации и др.). Дерадикализация и переход многих сепаратистских движений в институциональную плоскость позволят получить больше данных по эlectorальным результатам региональных партий. Что, в свою очередь, сделает

возможным углубить сравнительные количественные исследования сепаратизма. Возможность обработки больших данных, развитие геоинформационных систем, появление большого количества баз данных сепаратистских движений, этнополитических конфликтов и т.п. позволяют лучше отслеживать разного рода конфликты в ежедневном режиме и строить прогнозные модели. Если в настоящее время наиболее изученным феноменом выступают государства де-факто из-за доступа к ним достаточно широкого круга ученых, то повстанческие государства остаются для исследователей Terra Incognita. В перспективе должно увеличиться число исследования сепаратизма изнутри.

Список литературы

1. Ахмадуллин В.В. Анализ интерпретации термина «Ближний Восток» западными авторами // Власть. – 2014. – № 4. – С. 126–130.
2. Барсуков А.М. Этнорегиональные партии и проблема сепаратизма в современной Европе // Дневник АШПИ. – 2016. – № 32. – С. 82–87.
3. Варламов Н.Н., Мартыненко А.В. Вазиристан : политическая история региона в контексте проблемы исламского радикализма // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал [Электр. журнал]. – 2017. – № 3. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vaziristan-politicheskaya-istoriya-regiona-v-kontekste-problemy-islamskogo-radikalizma> (дата обращения: 06.09.2021).
4. Васильев А.П., Ключников М.И., Туров Н.Л. К вопросу о феномене псевдогосударственных границ в современном мире // Региональные исследования. – 2016. – № 6. – С. 105–116.
5. Винокуров Е.Ю. Теория анклавов. – Калининград : Терра Балтика, 2007. – 342 с.
6. Заяц Д.В. Феномен непризнанных государств в современном мире // Географическая среда и живые системы. – 2020. – № 1. – С. 53–69.
7. Гулькин П.Г. Венчурная индустрия стран БВСА и российские перспективы // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 10. – С. 33–36.
8. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Сепаратизм в Южном Камеруне : истоки и перспективы // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. – 2021. – № 1. – С. 194–213.
9. Звягельская И.Д., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю. Ближний Восток в условиях «негативной определенности» // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 6 (64). – С. 94–103.
10. Исобчук М.В. Причины фрагментации рационалистских партий в Западной Европе // Вестник Пермского университета. Политология. – 2021. – № 1 (15). – С. 35–45.
11. Катина О.В., Туров Н.Л. Проблемы национального самоопределения : территориальные и международно-правовые аспекты // Теория и практика современности. – 2020. – № 1 (15). – С. 35–45.

- менных географических исследований : сб. ст. – Санкт-Петербург : Свое издательство, 2017. – С. 689–693.
12. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география : Учебник для вузов. – Москва : Аспект Пресс, 2001. – 479 с.
 13. Колосов В.А., Себенцов А.Б., Туров Н.Л. Неконтролируемые территории в современном мире : теория, генезис, типы, динамика // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. – 2021. – № 1 (14). – С. 23–51.
 14. Коренясов Е.Н. Факторы сепаратистского движения в Африке // Сепаратизм в Африке: история, современность и перспективы : материалы конференции. – Москва : Институт Африки. РАН, 2020. – С. 11–22.
 15. Коцюбинский Д.А. Глобальный сепаратизм – главный сюжет XXI века. – Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2013. – 132 с.
 16. Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. Косово : сепатсия как национальный проект // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. – 2021. – № 1 (14). – С. 228–249.
 17. Кудряшова Ю.С. О росте значения курдского фактора в условиях меняющегося Ближнего Востока // Ежегодник ИМИ МГИМО МИД РФ. – 2014. – № 2. – С. 94–105.
 18. Кузнецова А.В. Риски этнокультурной «мозаики» в Европейском союзе // Региональные исследования. – 2015. – № 4 (50). – С. 4–12.
 19. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть : учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клювер, 2005. – 432 с.
 20. Манойло А.В. Сравнительный сепаратизм // Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 98–108.
 21. Международное публичное право : учебник / Л.П. Ануфриева [и др.] ; под ред. К.А. Бекяшева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2005. – 784 с.
 22. Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике / отв. ред. В.Я. Швейцер. – Москва : Институт Европы. РАН, 2006. – 197 с.
 23. Морозова М.Ю. Пакистанский Белуджистан : исламский фактор на фоне трайбализма и этнонационализма // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2011 а. – № 6. – С. 336–351.
 24. Морозова М.Ю. Пакистанский Белуджистан: мина замедленного действия // Россия и мусульманский мир. – 2011 б. – № 6. – С. 124–137.
 25. Неклесса А.И. Геоэкономический контекст дестабилизационных процессов на Ближнем Востоке и в Северной Африке // Перспективы стабилизации / дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африке : сб. ст. – Москва : Институт Африки. РАН, 2019. – С. 107–117.
 26. Осколков П.В. Очаги сепаратизма в Европе : ожидать ли новых сепатсий? // Научно-аналитический вестник ИЕ. РАН. – 2018. – № 1. – С. 118–123.
 27. Осколков П.В. Этнические партии и этническое голосование : проблемы концептуализации и факторы развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 8 (64). – С. 112–118.
 28. Паничкин Ю.Н. Политическая обстановка в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) бывшей Британской Индии после провозглашения независимости // Страны мира. – 2019. – № 1 (14). – С. 10–15.

- висимости Пакистана (1947–1953) // Восток. Афро-азиатские общества : история и современность. – 2011. – № 6. – С. 92–103.
29. Паничкин Ю.Н., Мусаев Ф.А. Пуштунский этнос в государстве Пакистан // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 4. – С. 178–180.
30. Панов П.В. Этнические и региональные партии в странах Центральной и Восточной Европы : специфика и траектория развития // Вестник Пермского университета. Политология. – 2020. – № 3. – С. 38–43.
31. Попов Ф.А. География сепацисонизма в современном мире. – Москва : Новый Хронограф, 2012. – 672 с.
32. Попов Ф.А. Дробление политического пространства мира : основные формы и современные тенденции // Региональные исследования. – 2015. – № 2. – С. 64–73.
33. Попов Ф.А. Пространственные аспекты деградации и краха суверенного государства // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 7. – С. 78–86.
34. Прохоренко И.Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах – членах Европейского союза. – Москва : ИМЭМО. РАН, 2018. – 93 с.
35. Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 2. – С. 31–46.
36. Семененко И.С. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 70–87.
37. Смирнягин Л.В. Типология зарубежных стран : учебно-методическое пособие. – Москва : Типография «Пеликан», 2019. – 336 с.
38. Старовойтова Г.В. Национальное самоопределение : подходы и изучение случаев. – СПб : Лимбус Пресс, 1999. – 208 с.
39. Тексты важнейших основных законов иностранных государств : основные законы Англии, французские конституции 1791, 1814 и 1830 годов и бельгийская конституция. Часть 1 / пер.: О.О. Кокошкина. – Москва : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1905. – 109 с.
40. Тураев А. Неоконсерватизм в «Большой Ближний Восток» // Архив Научных Публикаций JSPI. – 2020. – № 1 (3). – URL: https://science.i-edu.uz/index.php/archive_jspi/article/view/35 (дата обращения: 23.08.2021).
41. Туров Н.Л. «Дайте нам независимость, или дайте нам денег» : усиление влияния региональных партий в современной Европе // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – № 6 (65). – С. 33–41.
42. Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского союза : основные тренды и перспективы // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. – 2019. – № 4. – С. 125–147.
43. Холодковский К.Г. Особенности сепаратизма в Западной Европе XXI в. // Южно-российский журнал социальных наук. – 2018. – № 2. – С. 27–37.
44. Abdian K. The future movement of ethnic and religious minorities in Iran in the light of regional and international changes // J. for Iranian studies. – 2017. – Vol. 1, N 2. – P. 42–55.
45. Anderson P., Soeren K. Minority nationalism and the European Union. The cases of Scotland and Catalonia // L'Europe en formation. – 2016. – Vol. 379, N 1. – P. 40–57.

46. An ever wider gap in an ever closer union: rising inequalities and euroscepticism in 12 West European democracies, 1975–2009 / Th. Kuhn, E. van Elsas, A. Hakhverdian, W. van der Brug // *Socio-economic rev.* – 2014. – Vol. 14, N 1. – P. 27–45.
47. A self-determination and secession in Africa : the post-colonial state / R. Bereketeab (ed.). – London ; New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2015. – 282 p.
48. Bakke K.M., Wibbels E. Diversity, Disparity, and Civil Conflict in Federal States // *World politics*. – 2006 – Vol. 59, N 1. – P. 1–50.
49. Báli A. Sykes-Picot and «artificial» states // *American j. of international law*. – 2016. – Vol. 110. – P. 115–119.
50. Bauböck R. A multilevel theory of democratic secession // *Ethnopolitics*. – 2019. – Vol. 18, N 3. – P. 227–246.
51. Beramendi P. Inequality and the territorial fragmentation of solidarity // *International organization*. – 2007. – Vol. 61, N 4. – P. 783–820.
52. Bickerton Ch. J. European integration : from nation-states to member states. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – 240 p.
53. Blakkisrud H., Kolsto P. From secessionist conflict toward a functioning state : processes of state- and nation-building in Transnistria // *Post-Soviet affairs*. – 2011. – Vol. 27, N 2. – P. 178–210.
54. Blanken L.J. Rational empires : institutional incentives and imperial expansion. – Chicago : University of Chicago Press, 2012. – 230 p.
55. Bookman M.Z. The economics of secession. – New York : St Martin's Press, 1993. – 271 p.
56. Boucek Ch., Ottaway M. Yemen on the brink. – Washington, DC ; Moscow ; Beijing ; Beirut ; Brussels : Carnegie Endowment for Int'l Peace, 2010. – 110 p.
57. Bowker R. Ending Sykes-Picot : the Arab world and the West after 2011. – Durham : Durham University, 2013. – 22 p.
58. Brancati D. The origins and strengths of regional parties // *British j. of political science*. – 2008. – Vol. 38, N 1. – P. 135–159.
59. Brazhalovich F., Klyuchnikov M., Lukyanov A. The political-geographical aspects of problematic statehood (exemplified by Somalia) // *Geography and natural resources*. – 2016. – Vol. 37 (3). – P. 264–270.
60. Bremberg N. The dream of the nation-state: is regional secessionism a threat to European integration? // *The European Union and the return of the nation state* / A. Bakardjieva, A. Engelbrekt, K. Leijon, A. Michalski, L. Oxelheim (eds.). – London : Palgrave Macmillan, 2020. – P. 241–267.
61. Broers L. Recognising politics in unrecognised states : 20 years of enquiry into the de facto states of the South Caucasus // *Caucasus Survey*. – 2013. – Vol. 1, N 1. – P. 59–74.
62. Broers L. The politics of non-recognition and democratisation // *The limits of leadership : elites and societies in the Nagorny-Karabakh peace process* / L. Broers (ed.). – London : Conciliation Resources, 2005. – P. 68–71.
63. Bunce V. Subversive institutions : the design and the destruction of socialism and the state. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 224 p.
64. Carter D., Goemans H. The making of the territorial order : new borders and the emergence of interstate conflict // *International organization*. – 2011. – Vol. 65, N 2. – P. 275–309.

65. Caspersen N. Unrecognized states : the struggle for sovereignty in the modern international system. – Cambridge : Polity, 2012. – 224 p.
66. Caspersen N., Stansfield G. Unrecognized states in the international system. – London ; New York : Routledge, 2014. – 272 p.
67. Castellino J. International law and self-determination // Self-determination and secession in international law / C. Walter, A. von Ungern-Sternberg, K. Abushov (eds.). – Oxford : Oxford University Press, 2014. – P. 27–44.
68. Cederman L.-E., Weidmann N.B., Bormann N.-Ch. Triangulating horizontal inequality : toward improved conflict analysis // J. of peace research. – 2015. – Vol. 52, N 6. – P. 806–821.
69. Cederman L.-E., Weidmann N.B., Gleditsch K.S. Horizontal inequalities and ethnonationalist civil war : a global comparison // American political science rev. – 2011. – Vol. 105, N 3. – P. 478–495.
70. Cerniglia F., Longaretti R., Zanardi A. How to design decentralisation to curb secessionist pressures? Top-down vs. bottom-up reforms // Structural change and economic dynamics. – 2021. – Vol. 58, N 9. – P. 377–390.
71. Christin Th., Hug S. Federalism, the geographic location of groups, and conflict // Conflict management and peace science. – 2012. – Vol. 29, N 1. – P. 93–122.
72. Coggins B. Friends in high places : international politics and the emergence of states from secessionism // International organization. – 2011. – Vol. 65, N 3. – P. 433–467.
73. Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond greed and grievance : feasibility and civil war // Oxford Economic Papers. – 2009. – Vol. 61, N 1. – P. 1–27.
74. Collier P., Hoeffler A. The political economy of secession // Negotiating self-determination / H. Hannum, E. Babitt (eds.). – Lanham, MD : Lexington Books, 2006. – P. 37–60.
75. Convincing state-builders? Disaggregating internal legitimacy in Abkhazia / K.M. Bakke, J. O'Loughlin, G. Toal, M. Ward // International studies quarterly. – 2014. – Vol. 58, N 3. – P. 591–607.
76. Cunningham K. Inside the politics of self-determination. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 304 p.
77. Dandoy R. Ethno-regionalist parties in Europe: a typology // Perspectives on federalism. – 2010. – Vol. 2, N 2. – P. 194–220.
78. Deiwiks Ch., Cederman L.-E., Gleditsch K.S. Inequality and conflict in federations // J. of peace research. – 2012. – Vol. 49, N 2. – P. 289–304.
79. Dembinska M., Campana A. Frozen conflicts and internal dynamics of de facto states : perspectives and directions for research // International studies rev. – 2017. – Vol. 19, N 2. – P. 254–278.
80. Doyle D. Secession as an international phenomenon : from America's Civil War to contemporary separatist movements. – Athens, GA : University of Georgia Press, 2010. – 392 p.
81. Duerr G. Secessionism and the European Union : The future of Flanders, Scotland, and Catalonia. – Lanham, MD : Lexington Books, 2015. – 226 p.
82. Dynamics of state-building after war : external-internal relations in Eurasian *de facto* states / K.M. Bakke, A.M. Linke, J. O'Loughlin, G. Toal // Political geography. – 2018. – Vol. 63. – P. 159–173.

83. Dzutsati V. The origins of secessionist violence : culture, redistribution, and security : PhD thesis. – Phoenix : Arizona State University, 2017. – 260 p.
84. Elias A. Whatever happened to the Europe of the regions? Revisiting the regional dimension of European politics // *Regional & federal studies*. – 2008. – Vol. 18, N 5. – P. 483–492.
85. Esteban J., Mayoral L., Ray D. Ethnicity and conflict : an empirical study // *American economic rev.* – 2012. – Vol. 102, N 4. – P. 1310–1342.
86. Fearon J., van Houten P. The politicization of cultural and economic difference. A return to the theory of regional autonomy movements. – Stanford : Stanford University, 2002. – 27 p.
87. Fessha Y. Voting for internal secession : federalism and ethnicity in Ethiopia // *Verfassungsblog*. – 2019. – 28.11. – URL: <https://verfassungsblog.de/ethnicity-based-federalism-in-ethiopia/> (дата обращения: 23.08.2021).
88. Fessha Y., Ayele Z. The law and politics of internal secession : the Ethiopian experience in comparative perspective // *Territorial politics and secession* / Belov M. (ed.). – London : Palgrave Macmillan, 2021. – P. 265–287.
89. Fitjar R. Explaining variation in sub-state regional identities in Western Europe // *European j. of political research*. – 2010. – Vol. 49, N 4. – P. 522–544.
90. Florea A. De facto states in international politics (1945–2011) : a new data set // *International interactions*. – 2014. – Vol. 40, N 5. – P. 788–811.
91. Forsberg E. Do ethnic dominoes fall? Evaluating domino effects of granting territorial concessions to separatist groups // *International studies quarterly*. – 2013. – Vol. 57, N 2. – P. 329–340.
92. Foucher M. *Fronts et frontiers : un tour du monde geopolitique*. – Paris : Fayard, 1991. – 690 p.
93. Fox J. Are Middle East conflicts more religious? // *Middle East quarterly*. – 2001. – Vol. 8, N 4. – P. 31–40.
94. Furness M., Trautner B. Reconstituting social contracts in conflict-affected MENA countries : whither Iraq and Libya? // *World development*. – 2020. – Vol. 135, N 11. – P. 1–12.
95. Gayer L. Karachi, l'extension du front // *Outre-Terre*. – 2010. – Vol. 24, N 1. – P. 397–403.
96. Gibler D., Miller S. External territorial threat, state capacity, and civil war // *J. of peace research*. – 2014. – Vol. 51, N 5. – P. 634–646.
97. Gilliland A. Federalism and the creation of new states : justifying internal secession : PhD thesis. – Barcelona : Universitat Pompeu Fabra, 2013. – 178 p.
98. Gómez-Reino M. A niche or an expanding universe for ethnonationalist parties in Europe? Party demands in contemporary European politics. – 2008. – 34 p. – URL: https://nanovic.nd.edu/assets/8832/gomez_reino_paper_2008.pdf (дата обращения: 23.08.2021).
99. Gonzalez A.A. Origins of secession // University of Pennsylvania : College undergraduate research electronic j. – 2020. – URL: <https://repository.upenn.edu/curej/245> (дата обращения: 23.08.2021).
100. Gourevitch P. The re-emergence of «peripheral nationalism» : some comparative speculations on the spatial distribution of political leadership and economic growth // *Comparative studies in society and history*. – 1979. – Vol. 21, N 3. – P. 303–322.
101. Griffiths R. *Age of secession*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – 284 p.

102. Griffiths R. Between dissolution and blood : how administrative lines and categories shape secessionist outcomes // International organization. – 2015. – Vol. 69, N 3. – P. 731–751.
103. Griffiths R. Secession and the invisible hand of the international system // Review of International Studies. – 2014. – Vol. 40, N 3. – P. 559–581.
104. Hechter M. Group formation and the cultural division of labor // American j. of sociology. – 1978. – Vol. 84, N 2. – P. 293–318.
105. Hepburn E. New challenges for stateless nationalist and regionalist parties. – London : Routledge, 2011. – 186 p.
106. Hewitt G. Abkhazia : a question of identity and ownership // Central Asian survey. – 1993. – Vol. 12, N 3. – P. 267–323.
107. Hobolt S., Tilley J. Fleeing the centre : the rise of challenger parties in the aftermath of the Euro crisis // *West European politics*. – 2016. – Vol. 39, N 5. – P. 971–991.
108. Huntington S. The clash of civilizations and the remaking of World Order. – New York : Simon & Schuster, 1996. – 368 p.
109. Ishiyama J., Batta A. The emergence of dominant political party systems in unrecognized states // Communist and post-communist studies. – 2012. – Vol. 45, N 1. – P. 123–130.
110. Jackson R. Quasi-states, dual regimes, and neoclassical theory : international jurisprudence and the Third World // International law and international relations / B. Simmons, R. Steinberg (eds.). – Cambridge, NY : Cambridge University Press, 2007. – P. 205–232.
111. Jackson R., Rosberg C. Sovereignty and underdevelopment : juridical statehood in the African crisis // The j. of modern African studies. – 1986. – Vol. 24, N 1. – P. 1–31.
112. Jolly S. The Europhile fringe? Regionalist party support for European integration // European Union politics. – 2007. – Vol. 8, N 1. – P. 109–130.
113. Kaufman S. Modern hatreds: the symbolic politics of ethnic war. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 2001. – 280 p.
114. Keller E. Secessionism in Africa // The j. of African policy studies. – 2007. – Vol. 13, N 1. – P. 1–26.
115. Kenealy D. How do you solve a problem like Scotland? A proposal regarding «internal enlargement» // *J. of European integration*. – 2014. – Vol. 36, N 6. – P. 585–600.
116. Ker-Lindsay J. The foreign policy of counter secession : preventing the recognition of contested states. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – 215 p.
117. Khoshnood A. ASMLA : an empirical exploration of an ethno-nationalist terrorist organization. – Ramat Gan : The Begin-Sadat Center for strategic studies : Bar-Ilan University, 2021. – 35 p. – (Mideast security and policy studies ; N 193). – URL: <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2021/06/193web.pdf> (дата обращения: 23.08.2021).
118. King C. The benefits of ethnic war : understanding Eurasia's unrecognised states // World politics. – 2001. – Vol. 53, N 4. – P. 524–552.
119. Kolossov V., O'Loughlin J. Pseudo-states as harbingers of a new geopolitics : the example of the Trans-Dniester Moldovan Republic (TMR) // Boundaries, territory and postmodernity / D. Newman (ed.). – London : Franc Cass, 1999. – P. 151–176.

120. Kolstø P. The sustainability and future of unrecognized quasi-states // *J. of peace research*. – 2006. – Vol. 43, N 6. – P. 723–740.
121. Koskenniemi M. The politics of international law – 20 years later // *The European j. of international law*. – 2009. – Vol. 20, N 1. – P. 7–19.
122. Kriesi H. The populist challenge // *West European politics*. – 2014. – Vol. 37, N 2. – P. 361–378.
123. Kymlicka W. Is federalism a viable alternative to secessionism? // *Theories of secessionism* / L. Percy (ed.). – New York : Routledge Press, 2005. – P. 121–160.
124. Kyriacou A., Noemí M.-P. Regional inequalities and the electoral success of regional parties : evidence from the OECD // *The j. of federalism*. – 2015. – Vol. 45, N 1. – P. 3–23.
125. Laible J. Separatism and sovereignty in the new Europe: party politics and the meaning of statehood in a supranational context. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2008. – 272 p.
126. Lakoba S. Abkhazia is Abkhazia // *Central Asian survey*. – 1995. – Vol. 14, N 1. – P. 97–105.
127. Lapointe S. An empirical analysis of secession : evidence from the 2004 municipal referenda in Quebec. – Fribourg, 2014. – 27 p.
128. Laub Z., Robinson K. Yemen in crisis // *Council on Foreign Relations*. – 2016. – Vol. 19. – P. 1–7.
129. Lawrence A. Imperial rule and the politics of nationalism : anti-colonial protest in the French empire. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 298 p.
130. Lipset S., Rokkan S. Cleavage structures, party system, and voter alignments // *Party systems and voter alignments : cross-national perspectives* / S. Lipset, S. Rokkan (eds.). – New York : Free Press, 1967. – P. 1–64.
131. Lustick I. Secession of the center : a virtual probe of the prospects for Punjabi secessionism in Pakistan and the secession of Punjabistan // *J. of artificial societies and social simulation*. – 2011. – Vol. 14, N 1. – P. 1–7.
132. Lyall J. Does indiscriminate violence incite insurgent attacks? Evidence from Chechnya // *J. of conflict resolution*. – 2009. – Vol. 53, N 3. – P. 331–362.
133. Lynch D. Engaging Eurasia's separatist states : unresolved conflicts and de facto states. – Washington, DC : United States Institute of peace press, 2004. – 170 p.
134. Lynch D. Separatist states and Post-Soviet conflicts // *International affairs*. – 2002. – Vol. 78, N 4. – P. 831–848.
135. Manekin D., Grossman G., Mitts T. Contested ground : disentangling material and symbolic attachment to disputed territory // *Political science research and methods*. – 2018. – Vol. 7, N 4. – P. 679–697.
136. Manwaring M. Gray area phenomena : confronting the new world disorder. – London : Routledge, 2019. – 220 p.
137. Markedonov S. The unrecognized states of Eurasia as a phenomenon of the USSR's dissolution // *Demokratizatsiya. The j. of Post-Soviet democratization*. – 2012. – Vol. 20, N 2. – P. 189–195.
138. Massetti E., Schakel A. Ideology matters : why decentralization has a different effect of regionalist parties fortunes in Western democracies // *European j. of political research*. – 2013. – Vol. 52, N 6. – P. 797–821.
139. McColl R. The insurgent state : territorial bases of revolution // *Annals of the American association of geographers*. – 1969. – Vol. 59, N 4. – P. 613–631.

140. Medrano J. Secessionism revisited : unequal market insertion and its relevance for the analysis of Brexit // *Changing borders in Europe: exploring the dynamics of integration, differentiation and self-determination in the European Union* / J. Jordana, M. Keating, A. Marx, J. Wouters (eds.). – London : Routledge, 2019. – P. 76–92.
141. Müller-Rommel F. Ethnoregionalist parties in Western Europe : theoretical considerations and framework of analysis // *Regionalist parties in Western Europe* / L. De Winter, H. Türsan (eds.). – London : Routledge, 1988. – P. 17–27.
142. Muro D., Vlaskamp M. How do prospects of EU membership influence support for secession? A survey experiment in Catalonia and Scotland // *West European politics*. – 2016. – Vol. 39, N 6. – P. 1115–1138.
143. Naceur S.B., Ghazouani S. Stock markets, banks, and economic growth : empirical evidence from the MENA region // *Research in international business and finance*. – 2007. – Vol. 21, N 2. – P. 297–315.
144. Nagel J. The conditions of ethnic separatism : the Kurds in Turkey, Iran, and Iraq : Paper presented in 73 annual meeting of the American sociological association. – San Francisco. – 1978. – September 4–8. – 33 p. – URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED161813.pdf> (дата обращения: 23.08.2021).
145. Nazemroaya M.D. Plans for redrawing the Middle East : the project for a «New Middle East» // *Global research*. – 2020. – 14.03. – URL: <https://www.globalresearch.ca/plans-for-redrawing-the-middle-east-the-project-for-a-new-middle-east/3882> (дата обращения: 23.08.2021).
146. Nieghut T. «We are left with No Other Alternative» : legitimating internal secession in Northern Ontario // *Space and Polity*. – 2009. – Vol. 13, N 2. – P. 141–157.
147. Ó Beacháin D. The dynamics of electoral politics in Abkhazia // *Communist and Post-Communist studies*. – 2012. – Vol. 45, N 1/2. – P. 165–174.
148. Ornstein N., Coursen K. As the world turns democratic, federalism finds favor // *American enterprise*. – 1992. – January/February. – P. 20–24.
149. O'Sullivan A., Rey M.E., Mendez J.G. Opportunities and challenges in the MENA region // *The Arab world competitiveness report* / OECD. – 2011–2012. – P. 42–67.
150. Ozkan B. Who gains from the ‘No War No Peace’ situation? A critical analysis of the Nagorno-Karabakh conflict // *Geopolitics*. – 2008. – Vol. 13, N 1. – P. 572–599.
151. Pavković A., Cabestan J.-P. Secession and separatism from a comparative perspective : an introduction // *Secessionism and separatism in Europe and Asia : to have a state of one's own* / J.-P. Cabestan, A. Pavković (eds.). – London : Routledge, 2017. – P. 1–19.
152. Pegg S. De facto states in the international system. – Vancouver : University of British Columbia, 1998. – 26 p. – (Working Paper; 21).
153. Pereira B., Portos M., Vourdas J. Waving goodbye? The determinants of autonomism and secessionism in Western Europe // *Regional studies*. – 2018. – Vol. 52, N 12. – P. 197–211.
154. Peters R. Blood borders : how a better Middle East would look // *Armed Forces j. (AFJ)*. – 2006. – 01.06. – URL: <http://armedforcesjournal.com/blood-borders/> (дата обращения: 23.08.2021).
155. Piris J.-C. Political and legal aspects of recent regional secessionist trends in some EU member states // *Secession from a member state and withdrawal from the European Union : troubled membership* / C. Closa (ed.). – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – P. 69–87.

156. Reinikainen J. What is the democratic approach to plebiscitary secessionism? // *Ethnopolitics*. – 2019. – Vol. 18, N 4. – P. 362–378.
157. Requejo F., Nagel K.-J. Democracy and borders : external and internal secession in the EU // *Changing borders in Europe : exploring the dynamics of integration, differentiation and self-determination in the European Union* / J. Jordana, M. Keating, A. Marx, J. Wouters (eds.). – London : Routledge, 2019. – P. 142–158.
158. Requejo F., Sanjaume M. Recognition and accommodation ; from regionalism to secessionism – The Catalan case // *Recognition and redistribution in multinational federations* / J.-F. Grégoire, M. Jewkes (eds.). – Leuven : Leuven University Press, 2015. – P. 107–132.
159. Reynaerts J., Vanschoonbeek J. The economics of state fragmentation : assessing the economic impact of secession. – 2016. – 05.07. – (MPRA Paper ; 72379). – URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/id/eprint/72379> (дата обращения: 23.08.2021).
160. Roth H. Let's split! A complete guide to separatist movements and aspirant nations, from Abkhazia to Zanzibar. – Sacramento : Litwin Books, 2015. – 636 p.
161. Rustad S., Binningsbø H. A price worth fighting for? Natural resources and conflict recurrence // *J. of peace research*. – 2012. – Vol. 49, N 4. – P. 531–546.
162. Ruthven M. The map ISIS hates // *The New York rev.* – 2014. – 25.06. – URL: <https://www.nybooks.com/daily/2014/06/25/map-isis-hates/> (дата обращения: 23.08.2021).
163. Ryzhov I., Borodina M. Ethnic problems of modern Iran // *Russia and the Moslem world*. – 2016. – N 7. – P. 32–44.
164. Sambanis N., Germann M., Schädel A. SDM : a new data set on self-determination movements with an application to the reputational theory of conflict // *J. of conflict resolution*. – 2017. – Vol. 62, N 3. – P. 658–686.
165. Sambanis N., Milanovic B. Explaining demand for sovereignty / World Bank. – 2011. – November. – (Policy research Working Paper). – URL: <https://elibrary.worldbank.org/doi/pdf/10.1596/1813-9450-5888> (дата обращения: 23.08.2021).
166. Sambanis N., Milanovic B. Explaining regional autonomy differences in decentralized countries // *Comparative political studies*. – 2014. – Vol. 47, N 3. – P. 1830–1855.
167. Schomerus M., Englebert P., de Vries L. Africa's secessionism : a breakdown of aspiration, grievance, performance, and disenchantment // *Secessionism in African politics* / L. De Vries, P. Englebert, M. Schomerus (eds.). – New York : Palgrave Macmillan, 2019. – P. 1–20. – (Palgrave Series in African Borderlands Studies).
168. Shestakov N. Nationalism of MK Ataturk as the state ideology of the Republic of Turkey // *Asia and Africa today*. – 2019. – N 1. – P. 64–69.
169. Sorens J. First The cross-sectional determinants of secessionism in advanced democracies // *Comparative political studies*. – 2005. – Vol. 38, N 3. – P. 304–326.
170. Sorens J. Secessionism : identity, interest, and strategy. – Montreal ; Kingston : McGill-Queen's University Press, 2012. – 232 p.
171. Sørli M.E., Gleditsch N.P., Strand H. Why is there so much conflict in the Middle East? // *J. of conflict resolution*. – 2005. – Vol. 49, N 1. – P. 141–165.
172. Strmiska M. Conceptualization and typology of European regional parties : a note on methodology // *Central European political studies rev.* – 2003. – Vol. 5. – P. 2–5.

173. Territorial autonomy in the shadow of conflict: too little, too late? / L.-E. Cederman, S. Hug, A. Schädel, J. Wucherpfennig // American political science rev. – 2015. – Vol. 109, N 2. – P. 354–370.
174. The economics of secession : a review of legal, theoretical, and empirical aspects / Th. Madiès, G. Rota-Grasiozi, J.-P. Tranchant, C. Trépier // Swiss j. of economics and statistics volume. – 2018. – Vol. 154 (1). – P. 1–18.
175. Thomas Ch. Secession and separatism in Modern Africa // The Palgrave Handbook of African colonial and postcolonial history / M. Shanguhyia, T. Falola (eds.). – New York : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 729–757.
176. Thomas Ch., Falola T. Secession and separatist conflicts in postcolonial Africa. – Calgary : University of Calgary Press, 2020. – 344 p.
177. Thyne C. Information, commitment, and intra-war bargaining : the effect of governmental constraints on civil war duration // International studies quarterly. – 2012. – Vol. 56, N 2. – P. 307–321.
178. Tranchant J.-P. Is regional autonomy a solution to ethnic conflict? Some lessons from a dynamic analysis // Peace economics, peace science, and public policy. – 2016. – Vol. 22, N 4. – P. 449–460.
179. Türsan H. Introduction : ethno-regionalist parties as ethnic entrepreneurs // Regionalist parties in Western Europe / L. De Winter, H. Türsan (eds.). – London : Routledge, 1998. – P. 1–16.
180. Ungoverned territories : understanding and reducing terrorism risks / Rabasa A. [et al.]. – Santa Monica : RAND Corporation, 2007. – 398 p.
181. Van Bruinessen M. Kurds, states and tribes // Tribes and power : nationalism and ethnicity in the Middle East / F. Jabar, H. Dawod (eds.). – London : Saqi, 2002. – P. 165–183.
182. Van Cott D. Institutional change and ethnic parties in South America // Latin American politics and society. – 2003. – Vol. 45, N 2. – P. 1–39.
183. Vanschoonbeek J. Regional (in)stability in Europe a quantitative model of state fragmentation // J. of comparative economics. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 605–641.
184. Vaubel R. Secession in the European Union // Economic affairs. – 2013. – Vol. 33, N 3. – P. 288–302.
185. Walter B. Reputation and civil war : why separatist conflicts are so violent. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 272 p.
186. West European polities in the age of globalization / H. Kriesi, E. Grande, R. Lachat, M. Dolezal, S. Bornschier, T. Frey. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 428 p.
187. Wimmer A., Cederman L.-E., Min B. Ethnic politics and armed conflict. A configurational analysis of a new global dataset // American sociological rev. – 2009. – Vol. 74, N 2. – P. 316–337.
188. Wolf S. A resolvable frozen conflict? Designing a settlement for Transnistria // Nationalities papers. – 2011. – Vol. 39, N 6. – P. 863–870.
189. Wood J. Secession: a comparative analytical framework // Canadian j. of political science. – 1981. – Vol. 14, N 1. – P. 107–134.
190. Wright T., Diehl P. Unpacking territorial disputes domestic political influences and war // J. of conflict resolution. – 2014. – Vol. 60, N 4. – P. 645–669.
191. Young J. Repression, dissent, and the onset of civil war // Political research quarterly. – 2013. – Vol. 66, N 3. – P. 516–532.

Н.Л. ТУРОВ

**ФЕНОМЕН СЕПАРАТИЗМА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Аналитический обзор

Оформление обложки И.А. Михеев

Техническое редактирование

и компьютерная верстка К.Л. Синякова

Корректор А.А. Чукаева

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 25 / XI – 2021 г.

Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная

Усл. печ. л. 3,6 Уч.-изд. л. 3,7

Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 75

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (НИОН РАН)**

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

<http://inion>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**

Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96

e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»,

410004, Саратовская обл., г. Саратов,

ул. Чернышевского, д. 88, литер У